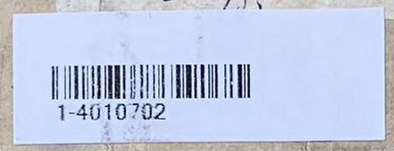
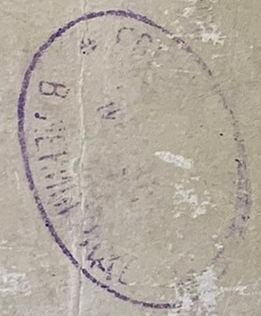
2 руб.
переплет 25 коп.

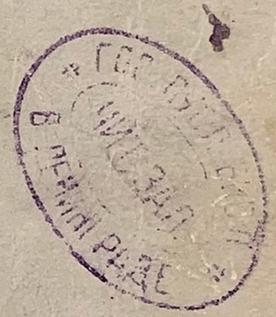
Вне библиотеки
не выдается
113
170





ЛЕНИН

В ЗАРИСОВКАХ И В ВОСПОМИНАНИЯХ ХУДОЖНИКОВ



19 • ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • 28

ГОС. ПУБЛ. БИБЛ.
ЧИТ. ЗАЛ.
В ЛЕНИНГРАДЕ

Художник И. И. Бродский в Андреевском зале Кремлевского дворца (сидит справа) набрасывает портрет В. И. Ленина.
Снимок был сделан фотографом А. К. Булла во время одного из заседаний II Конгресса Коминтерна в августе 1920 г.

113
170

ЛЕНИН

В ЗАРИСОВКАХ И В ВОСПОМИНАНИЯХ ХУДОЖНИКОВ

под редакцией,
с предисловием
и примечаниями
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА

ГОС. ПУБЛ. БИБЛ.
ЧИТ. ЗАЛ
ЛЕНИНГРАДЪ

2379
Гос. Публичн. Б-ка
1929.
Об. экз. Лнгр.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Ин

РАЗТЕ
ГА Л
.ООN

ОБЛОЖКА РАБОТЫ
М. КИРНАРСКОГО

Гос. Ордена Ленина Академическая типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
им. А. М. Горького
Ленинград

С, 52. Гиз № 25004/л.
Ленинградский Областлит № 730.
5 л. Тираж 3 000.

Инв. №

ПРЕДИСЛОВИЕ

Портретов Ленина не видно,
Похожих не было и нет;
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Н. Полетаев.

I

Великие исторические представители поколений требуют мощного отображения в искусстве. Еще при жизни величайшего из наших современников, В. И. Ленина, всякая новая зарисовка, фотография или новый метр — пленки, запечатлевавшие его с натуры и попадавшие в печать или на экран, чрезвычайно остро воспринимались массами. Воспроизведения каждой новой „мелочи“, рисовавшей нам подлинный облик Ленина, уже тогда, проходя через десятки газет и журналов, нередко достигали миллионных тиражей. Внешний облик Ленина рос в восприятии масс именно на этих, почти всегда малоискусных, зарисовках, на несовершенных фотографиях и на редких кадрах кино-ленты... Но уже в последние годы жизни Ленина одновременно с осознанием его великого значения для нашей эпохи, в массах назревала потребность в синтетических изображениях Ленина, в изображениях художественных.

„Писанный или рисованный с натуры портрет, особенно исполненный талантливым художником, несмотря на наличие фотографий, навсегда останется ценнейшим

*

„человеческим документом“. Художник, работая над портретом, не только фиксирует случайный момент, но путем более или менее длительного изучения суммирует внутреннюю сущность изображаемого лица. Конечно, удача такого суммирования зависит от многих причин, и степень ее может быть чрезвычайно различна; но все-таки в каждом, даже, казалось бы, беглом наброске тонкого и проникновенного художника-психолога можно найти такие черточки личности изображаемого, которые, быть может, никогда не будут доступны фотографии“ — пишет Вс. Воинов в статье „Ленин в изображениях художников“.

Потребность синтеза в изображениях Ленина прекрасно чувствовали и сами художники. В своей статье „О портретах Ленина“ (до сих пор неопубликованной — цитируем по подлиннику) Б. М. Кустодиев пишет: „Самое существенное в вопросе о портретах Ленина это то или иное задание, данное портретисту. Ленин-ученый — одно лицо; Ленин-агитатор, говорящий речь на площади — другое и т. д. На чем же остановиться? Если говорить о каком-то одном портрете, который должен суммировать все стороны характера и деятельности Ленина, то от художника требуется синтез целого ряда образов“.

Но многочисленные причины, в том числе то, что Ленин не любил позировать, и как-то несвойственно было этой кипучей, необыкновенно деятельной натуре тратить целые часы своей жизни на застывшее позирование, отчасти же, по причине обычной инертности

Ф. А. Малявин
Москва, Кремль, 1920 г.

наших художников, при жизни Ленина не был создан ни один портрет его синтетического размаха.

И в незабываемые январские дни 1924 года, когда особенно ярко ощущалась потребность в таких изображениях, люди искусства поняли свою ответственность перед историей. Ничем иным, пожалуй, не объяснишь того, что весь цвет советского живописного мастерства можно было встретить тогда у гроба вождя. Свыше двадцати художников перебывало в те дни в Колонном зале Дома союзов. Петров-Водкин, Ульянов, Малютин, Бродский, Киселис, Радимов, Кацман, Григорьев, Яковлев, Моор, Мешков, Горелов, Юон, Кравченко, Фабер— все старались хотя бы теперь запечатлеть облик Ленина, почерпнуть материал для будущих композиций.

Но вместо того чтобы детальнейшим образом изучать сохранившуюся до наших дней ленинскую иконографию и, почерпав из нее необходимые детали, творчески претворять их в художественные создания, большинство художников пошло по линии наименьшего сопротивления: началась массовая вакханалия списывания фотографий. И громадное количество портретов и бюстов Ленина, наводнивших наш Союз вскоре после его смерти, только искажают и отдаляют от нас внешний образ Ленина. Портреты эти и многотысячные тиражи репродукций с них (поток этот уменьшился лишь в самое последнее время) навсегда останутся за бортом настоящего искусства и будут балластом для ленинской иконографии. Немалое количество этих „произведений искусства“ вызывало протесты, как родствен-

ников и ближайших сподвижников В. И., так и общественные порицания в печати (см., например, статью Б. Орлова „Еще одно безобразие“ — „Правда“ 1924 г., № 209). Эта вакханалия выпуска в свет разных изображений Ленина, имеющих очень мало сходства с оригиналом, немного уменьшилась лишь тогда, когда Президиумом Центрального Исполнительного Комитета Союза было вынесено известное постановление о прохождении всей этой продукции через Комиссию по увековечению памяти Ленина (см. „Известия“ 1924 г., № 145).

И, несмотря на то, что ряд серьезных мастеров искусства продолжали планомерную и добросовестную работу над созданием синтетических изображений Ленина, основываясь на подлинных впечатлениях натуры, а также на правильном усвоении материалов (сюда нужно отнести портрет работы Н. А. Андреева, литографию Г. С. Верейского, некоторые композиции И. И. Бродского и ряд других), А. В. Луначарский в одной из своих статей констатирует: „Портреты Ленина не передают как следует его наружности. С первого раза наружность эта не кажется поражающей, нужно более близкое знакомство, чтобы понять, что во внешности Ленина сказывалось все величие его натуры. У Ленина огромный и как бы изнутри светящийся лоб, необычайно зоркие, проницательные, а иногда и хитрые взоры, твердый и властный рот. В лице его есть какая-то львиная массивность. Лицо это крайне подвижно. На нем все время сменяется выражение лукавства, внимания, удивления, иронии, глубокой задумчивости“...

И если нет еще синтетического портрета, с которого бы на нас глядел такой многогранный Ленин, то множество разносторонних элементов этого великого человека сохранены в тех немногочисленных прижизненных зарисовках, которые художникам приходилось делать с натуры буквально украдкой, в тех — подчас тусклых и технически несовершенных — фотографиях, которые создавались на лету в эпоху голода и холода, в тех кадрах кино-лент, которые делались отважными операторами в необычайно сложной обстановке...

Поэтому-то в настоящее время, вместо бесконечно однообразных живописных вариаций одних и тех же фотографических изображений Ленина, пора сделать достоянием масс все те подлинные иконографические материалы, которые действительно являются драгоценными памятками его облика.

Как бы нам ни казалась непохожей та или иная беглая зарисовка с натуры, как бы ни казалась статичной та или иная фотография, или технически несовершенным кадр пленки — они во много раз ценнее для потомства, чем многочисленные безжизненные „Покушения на Ленина".

Первая попытка издать хронологически систематизированные фотографические материалы, рисующие Ленина в различные годы его жизни, была недавно сделана Госиздатом. Альбомом большого размера были изданы 100 различных фотографий, большинство которых, несомненно, являются лучшими в этой области. Слишком дорогое внешнее оформление этого издания делает его малодоступным широким массам.

Ф. А. Малявин
Москва, Кремль, 1920 г.

Нашей же задачей явилось собирание воедино всех иконографических материалов о Ленине, в первую очередь живописных, сделанных непосредственно с натуры. Для более полного усвоения читателями этих материалов, они сопровождаются воспоминаниями мастеров, запечатлевших облик Ленина при жизни. Не имея возможности в масштабе этого сборника привести все, могущие быть опубликованными, как воспоминания, так и воспроизведения, мы ограничиваемся изданием в первую очередь того, что уже подготовлено к печати. По мере накопления новых материалов — иконографических и мемуарных — на интересующую нас тему, мы надеемся опубликовать последующие выпуски этого издания.

II

Первый отдел нашего сборника начинают воспоминания художника И. В. Симакова (ныне покойного), впервые публикуемые. Эти краткие заметы памяти служат прекрасным комментарием к единственной зарисовке Ленина, сделанной им в июне 1917 года. Зарисовка эта ускользнула из поля зрения занимающихся этим периодом жизни Ленина, в свет не извлекалась и ни в одном из библиографических указателей не зарегистрирована. Появилась в свет она в № 24-25 (от 6 августа) журнала „Лукоморье“ с подписью „Ленин ждет трамвая“. — Ценность этого наброска в том, что он, несомненно, представляет самую раннюю зарисовку Ленина в 1917 году. Несмотря на то, что сходство

оставляет желать многого, художником, несомненно, характерно запечатлена поза стоящего с портфелем Ленина.

Приблизительно в то же время был сделан карандашный набросок Ленина с натуры Э. Э. Эссеном, воспоминания которого приводятся ниже. К сожалению, эта зарисовка до сих пор не разыскана, и мы лишены возможности судить о степени ее ценности.

В дни Октябрьского переворота — насколько нам известно — была сделана лишь одна зарисовка В. И. Художнику М. М. Берингову, в те дни солдату броневого отряда, встретившему Ленина в помещении особняка Кшесинской, удалось зарисовать его голову. Несмотря на свое техническое несовершенство, рисунок этот, несомненно, ценен как единственный документ, рисующий облик Ленина в те дни. Опубликован он был впервые в статье Л. Варшавского „Ленин в искусстве“ в журнале „Город и деревня“ изд. МСПО, 1924 г., № 10, стр. 62.

Целые серии зарисовок с Ленина — и зарисовок весьма интересных — были сделаны уже позже, в его кремлевском кабинете. Здесь в 1920 году работал Натан Альтман, заполнивший свой альбом девятью зарисовками с Ленина. Меткие, острые наброски Альтмана носят, к сожалению, незаконченный характер. Объясняется это отношением художника к своим этюдам, которые определялись им как подсобный материал для выполнения скульптурного портрета Ленина. Но тем не менее рисунки эти, повидимому, верно пере-

дают отдельные моменты в мимике Ленина. Просматривая эти зарисовки Альтмана, невольно вспоминается блестящий „Портрет Ленина“, сделанный Вайян-Кутюрье: „Он словно в засаде — за своим столом. Выступают только плечи и голова. Лысый череп с резко выпуклым лбом. Несомненно азиат. Его выдают скулы и глаза. Маленькие миндалевидные глаза, брови монгола расставлены широко. Нос более велик, чем предполагаешь, с резкими приплюснутыми ноздрями, крепко припаянными к щекам. Под ним в бесцветной щетине усов и жидкой бородке то, что называют его улыбкой. Но Ленин не улыбается. Как и не косит. Мне кажется, он часто прищуривает глаза. Поистине, только тогда можно быть уверенным, что он улыбнулся, когда он разражается маленьким смехом“ (см. „Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине“. М., 24 г., стр. 35).

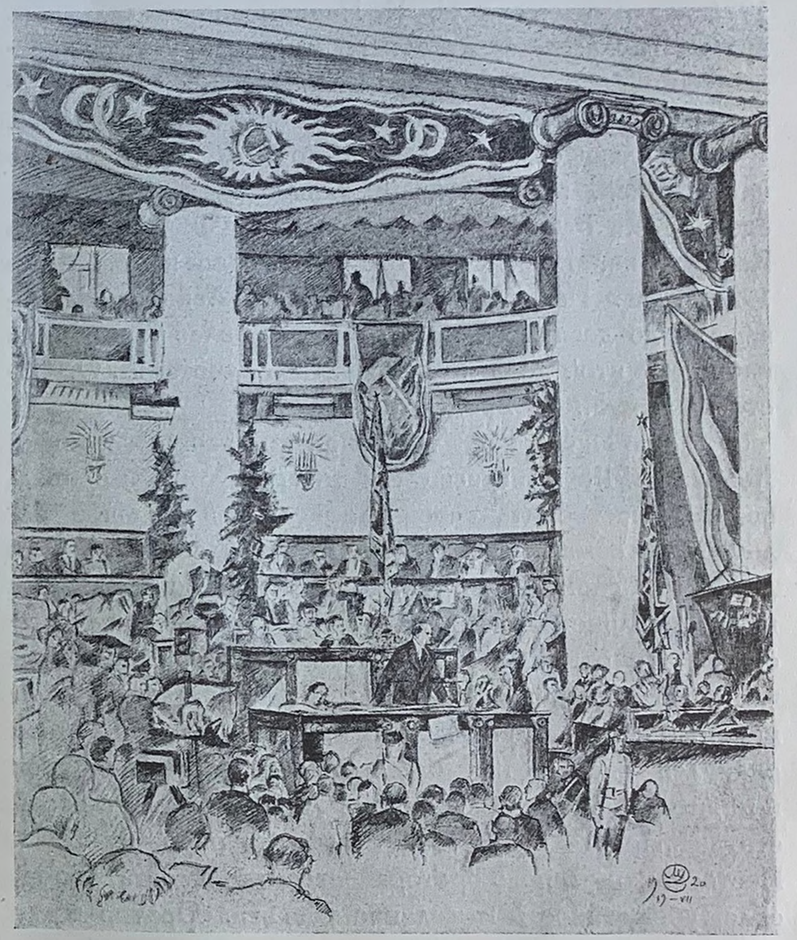
Другой художник, работавший в этом кабинете в том же 1920 году, — Ф. А. Малявин. Как это ни странно звучит сейчас, но Ф. А. Малявин, ныне эмигрант и довольно средняя величина на парижском небосклоне искусства, а когда-то автор нашумевших „Баб“, вошедших в историю русской живописи, в 1920 году имел доступ в Кремль, а также лично к Ленину. В кабинете Ленина Малявину удалось сделать ряд чрезвычайно оригинальных зарисовок и небольшую миниатюру. Дошедшие до нас данные свидетельствуют о том, что миниатюра была увезена художником за-границу, зарисовки же Малявина недавно нашлись среди многих

Ф. А. Малявин
Москва, Кремль, 1920 г.

сотен его черновых набросков и эскизов, оставленных им в СССР перед отъездом. При сравнении с набросками Альтмана, эскизы Малявина прежде всего выгодно отличаются законченностью (конечно, сравнительной). В то время, как альтмановские зарисовки в большинстве случаев дают лишь какую-нибудь зарисовку позы или отдельные детали мимики Ленина, Малявина в его рисунках прежде всего интересовала схожесть, которой он упорно добивался. — „Большая лысая и выпуклая голова, посаженная низко на плечах, небольшие глаза, нос картошкой, широкий благородный рот и тяжелый подбородок, начисто выбритая, но уже начинающая щетиниться, хорошо памятная борода...“ Это описание внешности Ленина, сделанное Джоном Ридом в „Десяти днях, которые потрясли мир“, довольно верно запечатлено в зарисовках Малявина, небольшую часть которых лишь теперь впервые извлекаем в свет и делаем достоянием широких масс.

В следующем 1921 году в этом кабинете работала известная журналистка Клер Шеридан, племянница английского министра Черчилля. Здесь она лепила бюст Ленина; воспроизведения этой работы нам, к сожалению, не попадались. Воспоминания же Клер Шеридан о Ленине опубликованы в недавно вышедшей за границей книге ее мемуаров под названием „Nuda veritas“ („Голая правда“).

Около этого же времени в ленинском кабинете удалось сделать несколько карандашных набросков скульптору Н. А. Андрееву, позднее использовавшему



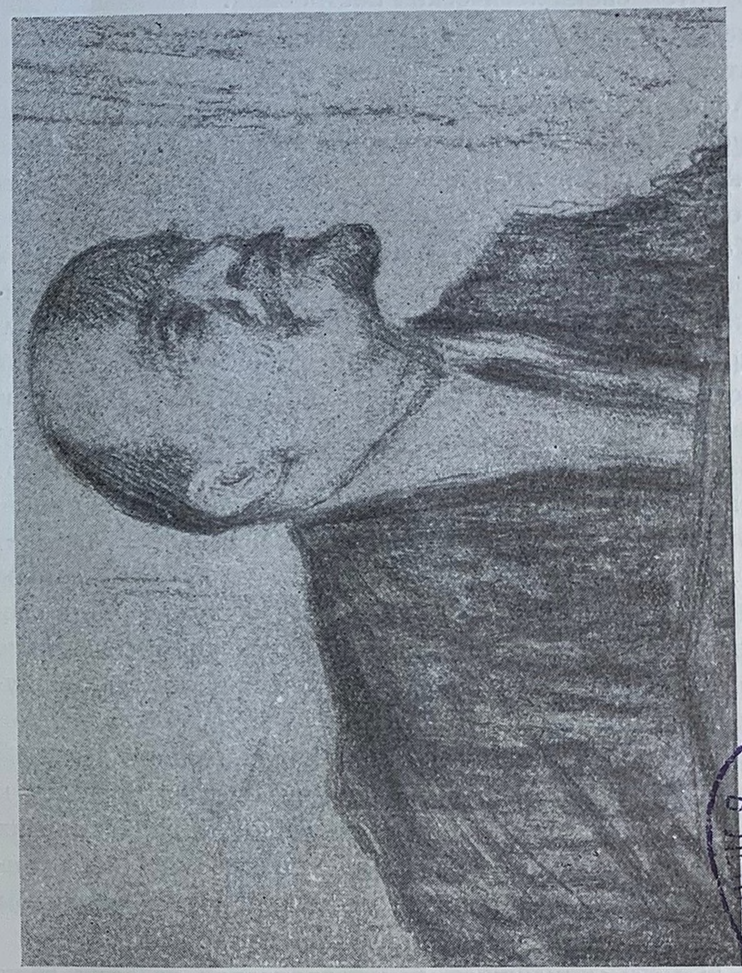
М. В. Добужинский

Петроград, торжественное открытие II Конгресса Коминтерна, 19 июля 1920 г.

их в своем известном портрете. И, наконец, в ноябре 1921 года художник И. К. Пархоменко сделал здесь два наброска. Рисунки эти во многом уступают предыдущим работам, но нельзя не отметить в них характерных поворотов фигуры, переданных довольно четко.

Подавляющее же большинство всех, дошедших до наших дней, прижизненных зарисовок Ленина было сделано на отдельных заседаниях II и III Конгрессов Коминтерна. В июле-августе 1920 года и в июне-июле 1921 года в Петрограде и в Москве Ленина зарисовывали до десяти художников. — Наиболее ценными из набросков этой поры нужно считать работы Л. О. Пастернака и И. И. Бродского.

Л. О. Пастернак, многократно зарисовывавший Ленина на III Конгрессе Коминтерна, тогда же предполагал претворить свои зарисовки в большое полотно. К сожалению, художнику не удалось довести до конца свою идею. Но зарисовки его пронизаны исключительной динамикой и поражают большим сходством. По отзывам лиц, видевших их, они представляют первостепенный интерес. „Ленин схвачен художником, когда он энергичным движением всего тела рванулся вперед, как бы собираясь сделать прыжок и поразить противника, — пишет Л. Сосновский в своей статье „Правда искусства“ об этих зарисовках Л. О. Пастернака.—В позе оратора—стремительность, напор, сила, убежденность и желание убедить. Оратор в эту минуту поглощен, пронизан только одним — необходимостью передать свои мысли слушателям, увлечь их



Л. О. Пастернак
Москва, III Конгресс Коминтерна, июль 1921 г.

ГОС. ПУБЛ. БИБЛ. * ЧИТ. ЗАЛ. * В ЛЕНИНГРАДЕ

в поток своих логических построений. Показывая мне неоконченную картину, художник Пастернак говорил, что в тот момент, когда он схватил позу оратора, Ленин произносил с выражением презрения и возмущения какую-то фразу о каутскианцах. Художник несколько раз повторял и мне даже интонацию Ленина, говорившего по-немецки (это была речь на Конгрессе Коминтерна: „Ди каутскианер"). Художник схватил и запечатлел самое главное в человеке. Говоря о каутскианстве, т. е. о самом пошлом и подлом виде социал-предательства, изменничества рабочему делу, Ленин весь горел негодованием и презрением. Его поза в этот миг — поза бойца, наносящего удар ненавистному врагу. Видно, что Ленин ни о чем больше не думает в этот миг, он заряжен громадной силой боевой энергии, которая излучается в его словах и движениях, заражает слушателей. Целеустремленность, это исключительное свойство характера Ленина, подмеченное и объясненное впоследствии многими, писавшими о Ленине после его смерти. Художник, движимый только внутренней правдой настоящего искусства, уловил в Ленине самое важное — его целеустремленность".

Л. О. Пастернак, ныне проживающий в Берлине, к сожалению, увез с собой всю серию своих ленинских зарисовок. В нашем распоряжении имеется лишь снимок одного из набросков художника, но и он целиком оправдывает характеристику тов. Сосновского.

Не менее ценную серию зарисовок на этих двух Конгрессах Коминтерна сделал И. И. Бродский. Не-

смотря на то, что детально с внешностью В. И. художник познакомился лишь на торжественном открытии II Конгресса, сделанный им здесь набросок (на нем сохранился автограф Ленина) необыкновенной отточенностью силуэта вызвал ряд благожелательных отзывов критики.

„Здесь вся композиция художника направлена на разработки линии, очерчивающей силуэт головы и фигуры. Бросается в глаза необыкновенно тонкое очертание лица и особенно выпуклое обрамление черепа в области затылочной части и лба". — Вторая зарисовка на Конгрессе была сделана художником в Андреевском зале Кремлевского дворца. Процесс создания этого рисунка ясно виден на снимке, изображающем И. И. Бродского, рисующего Ленина. В этом наброске художник все свое внимание обращает на структуру кожи, на выражение глаз Ленина, и как никому до него, И. И. Бродскому удалось передать здесь ленинскую усталость, переутомленность его. — На III Конгрессе Коминтерна И. И. Бродским были сделаны еще три наброска Ленина, из которых один, нами воспроизводимый, сделан чрезвычайно умело и, несомненно, может быть причислен к числу наиболее удачных ленинских зарисовок.

Интересные работы Г. С. Верейского и С. В. Чехонина, воспоминания которых впервые нами публикуются, также были сделаны на II Конгрессе. Одновременно с ними на торжественном открытии II Конгресса Коминтерна во Дворце Урицкого работал и М. В. Добужин-

ский; последний успел сделать лишь одну общую зарисовку заседания с Лениным в центре (набросок этот, с любезного разрешения его владельца И. И. Бродского, воспроизводится здесь с подлинника). И, наконец, на том же заседании Конгресса присутствовали художники И. А. Гринман, Н. И. Кравченко, К. А. Вещилов и А. Ф. Максимов, зарисовавшие ряд присутствовавших делегатов, в том числе и Ленина.

Воспоминания скульпторов Н. Л. Аронсона и Б. Д. Королева любопытны как свидетельства о значении встреч каждого из них с Лениным для создания скульптурных изображений его.

И, наконец, особняком в этом отделе стоят воспоминания старых большевиков Э. Э. Эссена и П. Н. Лепешинского. Не будучи художниками по специальности, благодаря своим живописным дарованиям им удалось довольно удачно запечатлеть облик Ленина в политических карикатурах эпохи раскола Р.С.-Д.Р.П.

К разряду зарисовок, сделанных с Ленина не-профессионалистами-художниками, следует причислить и работы Н. И. Бухарина, Ем. Ярославского и Б. Волина, находящиеся ныне в Институте Ленина, а также зарисовку периода 1918 года рабочего Н. Петрова. Карандашные наброски-портреты с В. И. Ленина, сделанные Н. И. Бухариным, были пожертвованы в Институт Ленина: один — в 1924 году М. Гляссером (см. „Ленинский Сборник“ I, стр. 209), другой — в 1925 году С. Б. Бричкиной (см. „Ленинский Сборник“ III, стр. 572); один из этих набросков был опубликован в 1927 году

Рабочий Н. Петров
Москва, 1918 г.

в журнале „Тридцать дней“ (№ 11). Зарисовка Ем. Ярославского, сделанная 27 марта 1922 года на XI съезде партии, выставлена в музее Института Ленина; рисунок тушью с Ленина, сделанный тов. Волиным с натуры и с надписью Ленина „Да здравствует Интернационал“, был сдан в 1925 году в Институт Ленина (см. „Ленинский Сборник“ III, стр. 569). Зарисовка же рабочего Н. Петрова, опубликованная впервые в 1925 году в журнале „Искусство — трудящимся“ (№ 8, стр. 16), воспроизводится нами вновь как характерный набросок диллетанта.

III

Как всякая динамическая натура, Ленин несомненно утрачивает в статическом изображении. „Ленин похож на себя только в кинематографе“ — замечает А. В. Луначарский в одной из своих статей о Ленине. „Когда рисуешь портреты Ленина, испытываешь потребность увидеть его в кинематографе. Простая фотография не передает конструкции головы, жестикуляцию, мимику“ — пишет Б. М. Кустодиев в посмертной статье „О портретах Ленина“.

И, несомненно, прав тов. Вайян-Кутюрье, замечающий в своем блестящем „Портрете Ленина“: „Тридцать различных чувств выражаются в его оскале зубов, который никогда не бывает совершенно одинаков. Под собирающимся в морщины лбом все в движении. Ленин подлинный — только в кино. Ни один портрет не похож на него“.

Это же мнение выражено в статье М. Бабенчикова „Учитесь у кино“: „Ленин во весь рост, со всеми бесчисленными мелочами, деталями, штрихами и черточками его полного динамики, подвижного, изменчивого, многоречивого, отнюдь не статичного, не скульптурного, не вылепного, наконец, даже не красочного, а будничного, как будничны великие дни Октября, облика, оказался пока не под силу ни одному живописцу, ни одному скульптору. Это пока лучше удалось более массовому, более современному, более динамичному искусству — кино“.

Сам Ленин придавал кино большое значение не только как фактору культурно-просветительному и агитационному; из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича „Ленин и кино“, недавно опубликованных в журнале „Кино-фронт“ (1928 г., № 13 — 14), видно, что к съемкам кино, которым В. И. подвергался, он относился весьма терпеливо, пожалуй, терпеливее чем к позированию художникам и скульпторам. — Этот факт подтверждается, по нашему мнению, тем, что именно на кинопленку выпало счастье сохранить нам облик Ленина в домашнем быту. Ни художникам, ни фотографам не удалось запечатлеть Ленина в интимной обстановке и только одному кино-оператору — иностранцу, имя его нам пока неизвестно, посчастливилось заснять Ленина в его кремлевской квартире; между прочим, в этой ленте имеются прекрасные кадры, рисующие улыбающегося Ленина, сидящего с кошечкой в руках рядом с Н. К. Крупской (вся засъемка — размером

всего в несколько десятков метров — была недавно найдена и приобретена в Америке сотрудниками Совкино и опубликована в десятую годовщину Октября в ленте Э. Шуб „Великий Путь“).

К большому сожалению, годы наибольшего творческого подъема Ленина, годы его титанической и бурной деятельности на посту строителя новых форм жизни — 1917—1922 гг. — были наиболее тяжелыми годами для нашей страны. Почти полное отсутствие технических приспособлений, старое довоенное оборудование, отрывки случайно сохранившейся кинопленки — вот чем располагали наши кино-операторы для засъемки Ленина. Разглядывая же на экране дошедшие до наших дней кино-кадры с Лениным, поневоле удивляешься героизму наших кино-работников. Только большая любовь к личности Ленина, большая вера в его дело, могли заставить их отнестись с такой редкой добросовестностью к своему делу. И, конечно, не их вина, что все кино-съемки с Лениным в общей сложности едва дают несколько сот метров. Потомству эти малоискусные кадры будут дороже многих десятков аляповатых инсценировок из жизни Ленина, которые не заставят себя долго ждать.

До наших дней дошло всего 28 прижизненных кинозасъемок Ленина (включая недавно найденную ленту, рисующую В. И. в домашней обстановке). Во время произнесения речей, преимущественно во время Октябрьских и Первомайских торжеств, Ленин был заснят двенадцать раз; сюда входят также одна засъемка его

Н. Смирнов

ЛЕНИН и М. И. УЛЬЯНОВА у здания Большого театра. Москва, Чрезвычайный съезд советов, июль 1918 г.

речи на X партсъезде и две засъемки его выступлений на II и III Конгрессах Коминтерна. Десять других эпизодов в послеоктябрьской жизни Ленина также живо схвачены кино-аппаратом. Наиболее удачен на этих кадрах Ленин на закладке памятника Карлу Марксу в Москве; в саду Дворца Урицкого в период II Конгресса Коминтерна, когда дети подносят ему цветы; на Бутырском поле при испытании электроплуга; на III Конгрессе Коминтерна, сидящий на ступеньках возвышения для президиума... И, наконец, пять раз операторам удавалось запечатлевать Ленина в личных собеседованиях: с В. Д. Бонч-Бруевичем в октябре 1918 года, во время прогулки во дворе Кремля вскоре после выздоровления от ранения; с секретарем М. К. Загорским 7 ноября 1918 года на Красной площади; с рабочим во время митинга на железнодорожном субботнике в 1919 году у Александровского вокзала; с Л. Б. Каменевым и Л. Д. Троцким 5 мая 1920 года. На ступеньках трибуны у Большого театра; с американцем Христиансеном 26 ноября 1921 года в Кремле.

Кроме того, до сих пор остаются не обнаруженными две засъемки Ленина до Октябрьской революции. Первая — Ленин говорит речь с грузовика большевиков в день 1 мая 1917 года, вторая — Ленин выступающий с балкона дворца Кшесинской в мае-июне 1917 года.

В книжке Г. М. Болтянского „Ленин и кино", выпущенной Госиздатом в 1925 году, между прочим, собран ценный материал, характеризующий работу советских кино-операторов по засъемке Ленина. Но так как

А. А. Левицкий

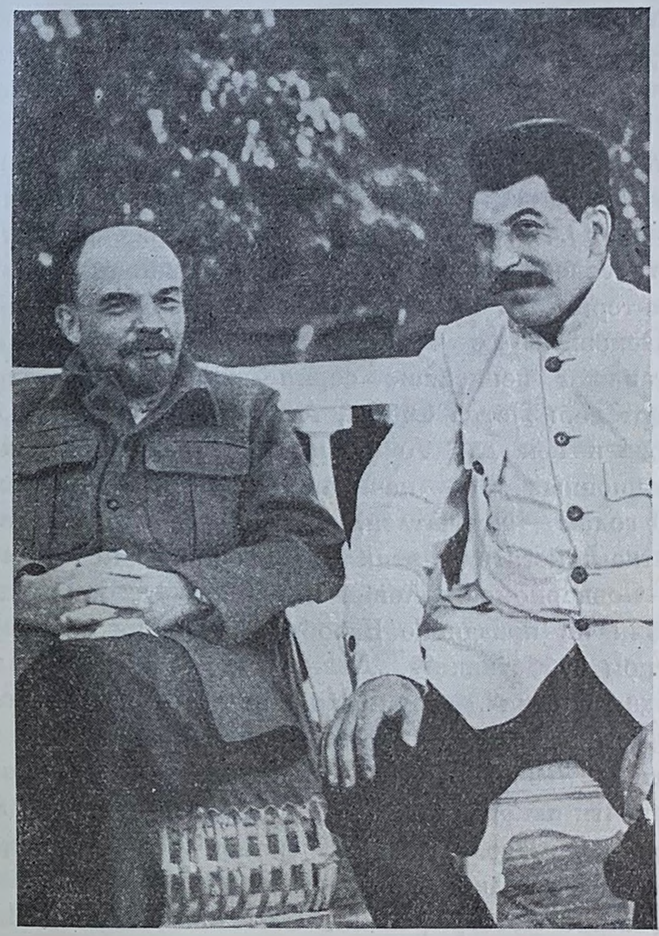
ЛЕНИН у себя в кабинете в Кремле беседует с ХРИСТИАНСЕНОМ в субботу 26 ноября 1921 года (в центре сидит р. А. РОТШТЕЙН, стоит В. А. ВОЕВОДИН).

в этой книжке затронуты и другие вопросы, характеризующие взаимоотношения Ленина и кино, то воспоминания кино-съемщиков Ленина, распыленные по всем главам, не дают цельной картины их работ.

В настоящем сборнике мы даем воспоминания Г. М. Болтянского, одного из руководителей кино-хроники в 1917 — 23 гг., специально написанные для нашего издания, воспоминания режиссера В. Р. Гардина и оператора В. Яковлева. В следующих выпусках нашего издания мы предполагаем всесторонне осветить эту тему, поместив воспоминания и воспроизведения кино-работ Ю. А. Желябужского, Г. В. Гибера, Д. И. Лещенко, Э. К. Тиссэ, А. А. Левицкого, И. К. Новицкого, А. Г. Лемберга, А. Ф. Винклера....

IV

„Ленин в фото-снимках" — большая кропотливая тема, для полного выявления которой много труда положил заведующий фото-лабораторией Института Ленина — тов. Чугунов. Несколько сот фото-пленок и фото-негативов, поступившие в Институт после декрета ЦИКа СССР, подвергнуты здесь тщательной технической реконструкции и, по возможности, хронологическому определению, и в скором времени мы будем располагать прекрасно разработанной фотографической иконографией Ленина. Почти единственным преткновением в этой работе является отсутствие данных для расшифровки авторов ряда снимков; этим самым часто лишается возможность установить точные даты последних.



М. И. Ульянова
ЛЕНИН и И. В. СТАЛИН, Горки, 1923 г.

Особенно трудно выяснить авторов фотографий Ленина, сделанных в период его жизни эмигрантом за границей. Чрезвычайно интересны же в этом отделе Ленинского фото-музея снимки В. И., относящиеся к его пребыванию в 1908 — 1911 гг. на Капри у Максима Горького. Снимки эти по своей непринужденности на редкость удачные, были сделаны художницей Богдановой и Ю. А. Желябужским. Несмотря на техническое несовершенство, они дают ценнейший материал для характеристики облика Ленина в тот период его жизни.

Основные же части богатейшего фото-наследия составляют ценнейшие серии снимков фотографов-репортеров: Петра Оцупа, А. и В. Булла, Л. Я. Леонидова и нек. др. Ленин на протяжении многих революционных лет — начиная с 1918 года и кончая 1923 годом — запечатлен, нередко чрезвычайно удачно, десятками негативов этих товарищей. „Ленин на заседании Совнаркома“, „Ленин в кабинете за „Правдой“, „Ленин на празднике Всеобуча“, „Ленин на Всероссийском субботнике“, „Ленин с детьми“, „Ленин на съездах партии“ — вот несколько тем их многочисленных негативов. Имена этих скромных работников, вложивших столько энергии в свои ленинские фото-создания, почти никогда неизвестны читателям газет и журналов, где из года в год их снимки Ленина выдерживают многомиллионные тиражи.

Снимки фотографов М. С. Наппельбаума, П. С. Жукова, воспоминания которого нами публикуются, Г. Г. Немзера, Г. П. Гольдштейна, В. В. Лобода,

Я. В. Штейнберга и покойных фотографов В. А. Быстрова, А. И. Савельева и Н. Смирнова выявляют ценные штрихи во внешнем облике Ленина в последние годы его жизни.

Первый же снимок, произведенный в 1917 году с Ленина и дошедший до наших дней, был сделан ленинградским фотографом П. И. Волковым 17 апреля, на следующий день после приезда Ленина в Петроград, с хор Таврического дворца, когда на заседании Исполнительного комитета Петроградского совета В. И. выступил с сообщением о проезде через Германию.

Воспоминания Д. И. Лещенко, переиздаваемые в этом сборнике, вскрывают обстановку засъемки Ленина в подполье в июльские дни 1917 года. Опубликованные в прошлом году в журнале „Огонек“ (№ 44), снимки эти, запечатлевшие облик загримированного Ленина, в то время когда он скрывался в Разливе, являются единственными в своем роде.

Не мало ценных ленинских фото-съемок было сделано любителями-фотографами. Так, в начале 1918 года тов. Гиммер заснял первое заседание Совнаркома во главе с Лениным; 1 мая 1919 года наборщик Первой образцовой типографии в Москве Н. Агапов заснял Ленина на трибуне (его воспоминания нами переизданы); на том же Первомайском празднике прекрасно заснял В. И. на Лобном месте Красной площади при открытии памятника Разину скульптор С. Д. Меркуров; инженер Трошин также заснял Ленина в этот день; и, наконец, в 1923 году в Горках неоднократно

снимала Ленина Марья Ильинична Ульянова. Между прочим, ей принадлежит популярная фотография Ленина с И. В. Сталиным среди зелени в Горках.

V

Последний же отдел нашего сборника составляют воспоминания А. Я. Бронштейна и Б. Ф. Малкина, принимавших деятельное участие в увековеченьи голоса Ленина. Взаимно дополняющие друг друга воспоминания эти, с одной стороны, рисуют ту бытовую обстановку, в которой происходило „фотографирование" голоса Ленина, с другой же стороны — выявляют отношение его к той важной роли в деле пропаганды, которую несет в себе граммофонная пластинка.

Таков вкратце основной фонд всех тех изобразительных материалов, которые нам остались от Ленина, и постепенное — по возможности полное — комментированное выявление которых начинаем изданием этого сборника (предупреждаем, что этот наш сборник совершенно не претендует на всеобъемлющую полноту темы, а является только первым выпуском собираемых нами материалов). Материалы эти, хранящие в себе ценные элементы Ленина в жизни, во многом помогут будущему большому мастеру воссоздать убедительный и подлинный облик величайшего из наших современников.

И. С. Зильберштейн.

ХУДОЖНИКИ И СКУЛЬПТОРЫ

И. В. СИМАКОВ

МОЙ НАБРОСОК С ЛЕНИНА

Совершенно случайно мне представилась возможность зарисовать Владимира Ильича с натуры.

Это было в июне 1917 года. Имя Ленина было уже тогда очень популярно. Проходя однажды по Среднему проспекту Васильевского Острова, на углу Первой линии я был остановлен знакомым газетчиком: „Видали вы Ленина?.. Смотрите — вот он: я его очень даже хорошо знаю в лицо...“

В нескольких шагах, у остановки трамвая, стоял человек в сером костюме и оживленно разговаривал со своей спутницей, дамой в скромном темном платье. Так как трамвая еще не было видно, я решил воспользоваться случаем и сделать набросок в альбом, примостившись на выступе окна около газетчика. Владимир Ильич видимо спешил, все время посматривал вдоль Среднего проспекта, откуда должен был появиться трамвай, идущий на Петербургскую сторону. Хотя Владимир Ильич был все время в движении, прохаживался вдоль рельс, снова останавливался, продолжал разговор со своей спутницей, — в общем он сохранял приблизительно одинаковую позу, как казалось,

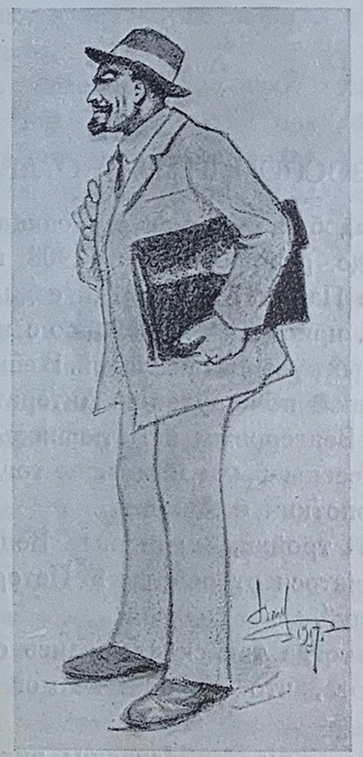
наиболее для него привычную: в левой руке у него был портфель, а правою он или слегка жестикулировал во время разговора или держался за борт тужурки.

В этой позе я и зарисовал Владимира Ильича. Не дождавшись трамвая, Владимир Ильич со своей спутницей отправился по Первой линии к Биржевому мосту.

„Сеанс“ продолжался не более трех-четырех минут, рисовать пришлось с движущейся модели на расстоянии примерно десяти-двенадцати шагов, — поэтому я имел возможность сделать только беглый карандашный набросок и старался лишь запомнить общий характер фигуры. Придя домой, я под свежим впечатлением закончил сделанный набросок, который был затем помещен в журнале „Лукоморье“ за подписью Linus.

В первые же моменты, как только я внимательно стал всматриваться в Владимира Ильича, у меня мелькнула мысль: „Какой он серенький“... Серая мягкая шляпа, серый легкий костюм, мягкий белый воротничок, портфель под мышкой, несколько сутуловатая фигура, средний рост; во всех движениях была, правда, некоторая нервность, но без всякой аффектации, театральности, позы, — одним словом, все было в наружности Владимира Ильича естественно и просто. Делая с него набросок без его ведома, „из-за угла“, я рисовал совершенно спокойно, как будто чувствуя, что если он и заметит мой маневр, не будет в большой претензии.

Повторяю, наружность Владимира Ильича произвела на меня впечатление какой-то особенной простоты, естественности и, я сказал бы, доступности.



И. В. Симаков
Петроград, июнь 1917 г.

И. К. ПАРХОМЕНКО

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

Впервые надобность увидеть Ленина была у меня еще задолго до революции — в 1908 году, когда я, вернувшись из Парижа, в который ездил после событий 1905 года, приступил к писанию с натуры портретов современных русских писателей. В списки этой галереи, составленной по поручению Литературного фонда профессорами Венгеровым и Батюшковым и писателем Короленко, внесены были и жившие тогда за границей Плеханов, Кропоткин и Ленин.

„Ради этой тройки, — говорил Венгеров, — стоит на время оторваться от работы в Петербурге и съездить за границу".

Но у меня тогда так складывались обстоятельства и начатая работа, что я никак не мог выбраться за границу.

Время меж тем шло... Нагрянул вихрь революции и принес с собой события Октября... Ленин занял свое место.

Пока не появилась первая серия портретов главных деятелей Октября, я еще не видел изображений Ленина,

и меня поразило характерное, умное лицо, с какими-то особенными глазами, на известном наппельбаумовском снимке, где Ленин сидит с полунаклоненной вперед головой. Помню, я сейчас же написал с этого снимка портрет красками.

Обстоятельствами я тогда был заброшен в Ярославль. Через некоторое время приехал в Ярославль Луначарский. Посетил меня. Увидел у меня портрет Ленина и нашел, что он похож. Предложил мне, когда будет в Москве, переговорить с Лениным о сеансах для меня.

Но обещанию Луначарского не суждено было увенчаться успехом. Я даже достоверно не знаю почему: потому ли, что Анатолию Васильевичу не пришлось говорить с Лениным об этом, или потому, что это Лениным было отклонено.

Перебравшись в следующем году в Москву, я случайно встретился и познакомился в фотографии ВЦИКа (у Наппельбаума) со старшей сестрой Ленина—Анной Ильиничной. Узнав, что я хочу написать портрет Владимира Ильича, она любезно пригласила меня к себе и показала мне целый ряд всевозможных фотографических снимков со всей родословной Ульяновых. Я увидел на них симпатичное, добродушное, чисто русское, длиннобородое лицо отца Ленина, также привлекательное лицо матери его и в целом ряде всевозможных изображений его самого, начиная с шестилетнего возраста и кончая последними годами. И мне чрезвычайно понравился снимок Ленина в шесть лет.

Умный, миловидный, но чувствуется — бойкий и уже имеющий свое „я“.

„Ужасно любил в эти годы разрушать и потрошить всякие свои игрушки, — рассказывала Анна Ильинична, — интересоваться, как и из чего они сделаны, и что у них внутри“.

Когда я сообщил Анне Ильиничне, что хотел бы написать Ленина с натуры, а не со снимков, она взялась мне в этом помочь. Начала с того, что передала Ленину мое письмо, в котором я просил его уделить мне несколько сеансов. Но Ленин ответил отказом.

Вскоре как-то Николай Ильич Подвойский дал мне мысль съездить в Петроград и написать там в Смольном комнату, в которой жил Ленин. Я тотчас же задался целью использовать эту комнату для картины, в которой фигурировал бы Ленин. Через несколько дней мы с Подвойским были уже в Петрограде, и я писал в Смольном этюды с комнаты и обстановки Ленина.

Затем, вернувшись в Москву, я написал эскиз для картины: „Троцкий у Ленина в Смольном“. Троцкий, взявшись одной рукой за стул, а другой делая обычный свой жест ладонью вниз, стоит у письменного стола, спиной к столу и лицом к шагающему перед ним взад и вперед Ленину и о чем-то ему говорит. Ленин вдруг приостанавливается, руки его приподняты к груди, пальцы энергично заложены под мышки жилета; на подвижном, слегка вскинутом лице его известное „ильичевское“ выражение, левый глаз немного прищурен, вот-вот вождь революции сейчас разразится возражениями.

Портрет Ленина в шестилетнем возрасте я написал почти одновременно с эскизом и в день третьей годовщины Октябрьской революции показал собравшимся в совнаркомовской столовой для Вечера воспоминаний участникам Октября, осведомив их, что хотел бы подарить этот портрет в память третьей годовщины самому изображенному. Долго обсуждали, с чьей бы помощью это сделать. Я просил тов. Троцкого, но он в это время уже спешил к себе; наконец, Анна Ильинична взялась пойти со мной на квартиру Ленина и устроить мне с ним свидание. Однако, мы его там не застали; он был где-то на митинге и не скоро ожидался домой. Пришлось портрет вручить Надежде Константиновне и попросить ее передать подарок по назначению, когда Владимир Ильич вернется домой. (Теперь этот портрет, имитация живописи 70-х годов, находится в Музее революции, и репродукции с него распространены во всевозможных видах, без указания, впрочем, моего авторства.)

Несколько дней спустя я показал младшей сестре Ленина — Марии Ильиничне эскиз и рассказал ей о своих попытках добиться у Владимира Ильича согласия на позирование. Она охотно согласилась устроить мне с ним свидание, надеясь, что он, в конце концов, все-таки согласится уделить немного времени, если не для портрета, то хоть для картины, что в сущности одно и то же.

Но когда мы с ней (и с эскизом также) отправились из редакции „Правды“, где мы сговаривались, к

Ленину, его дома не оказалось. Была только Надежда Константиновна с двумя какими-то посетителями.

И Надежда Константиновна и Мария Ильинична предложили мне дождаться возвращения Владимира Ильича и показали имевшиеся у них снимки Владимира Ильича.

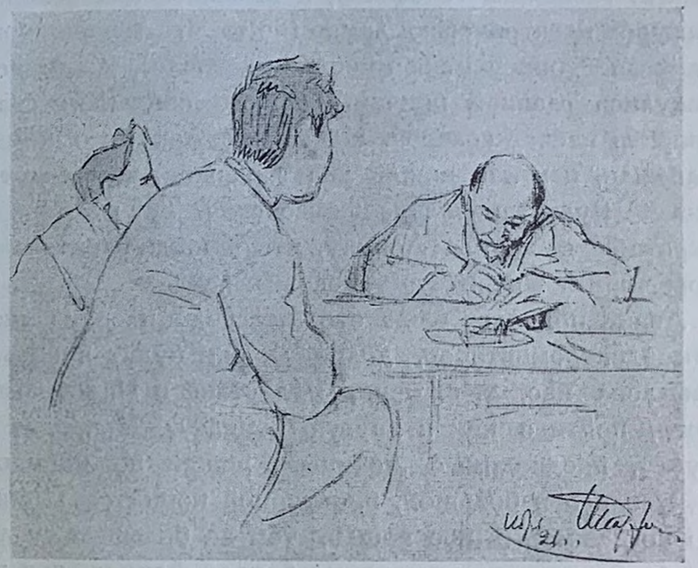
Не дождавшись, однако, В. И. и заручившись от Марии Ильиничны обещанием немедленно уведомить меня об его отношении к сеансам, я оставил эскиз и ушел.

Через день или два комендант Кремля Петерсон мне сообщил, что меня ищут, звонили в комендатуру, из комендатуры в разные места. Я сейчас же отправился к Марии Ильиничне и узнал от нее, что Владимир Ильич желает меня видеть. Мы условились, что в тот же день, ровно в шесть часов вечера, я буду у них на квартире.

Едва я поднялся, ровно в шесть часов, наверх белого здания в Кремле, прошел все пикеты и очутился в коридоре, ведущем в комнаты Ленина, как оттуда, из открывшейся двери, показалась бодрая, среднего роста, в коричневом пиджачном костюме, коренастая, слегка подавшаяся вперед, фигура Ленина. В руках у него развевались по воздуху какие-то бумаги.

Я пошел к нему навстречу. Не доходя до меня несколько шагов, Ленин замедлил их, вскинул на меня немного исподлобья глазами, приветливо улыбнулся и, словно старый знакомый, дружелюбно пожал мне руку.

„Мне ваша картина нравится, и я вам охотно для нее попозирую“—сказал он, искоса на меня поглядывая.



И. К. Пархоменко.

„На приеме у Ленина“. Слева: Я. Э. РУДЗУТАК и Н. Ф. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.— Москва, Кремль, ноябрь 1921 г.

Что-то он и еще говорил по поводу картины, но моя память, к сожалению, не удержала всего.

Разговаривая, мы прошли через секретарскую и вошли в кабинет, на столе которого кипами лежали бумаги, теснились телефоны, и высилась под зеленым абажуром электрическая лампа (не та, что теперь стоит, а другая — она у меня имеется на этюде). В кабинете коснулись главной причины нашего свидания: стали говорить насчет сеансов. Но вскоре Ленину о ком-то доложили, и к нам вошли два товарища, как я потом узнал — Рудзутак и Преображенский. Тут же одна из секретарш сообщила Ленину, что пришли электромонтеры чинить в кабинете телефоны.

Ленин поднялся из-за стола, осведомился у вошедших электромонтеров, долго ли они будут чинить, и пригласил нас, т. е. меня, Рудзутака и Преображенского, пойти с ним в другую комнату. Мы, один за другим, предводимые Лениным, пошли по коридору и очутились в большой, просторной комнате. Помню, что когда мы в нее вошли, там за большим столом сидела какая-то девица и на вопрос Ленина, чья эта комната, сказала, что это кабинет Горбунова. Ленин ей сообщил, что на полчаса он этот кабинет займет, и девица тотчас же поспешила его покинуть; я едва успел попросить у нее бумаги и карандаш.

Когда Ленин уселся, предупредив Рудзутака и Преображенского, что мое присутствие их не стеснит, я расположился против Ленина и принялся делать с него наброски. Сделал также один набросок и со всей группы.

Расставаясь, мы с Лениным условились насчет сеанса — начать его в следующий же день с десяти часов утра.

И вот, в следующий же день, ровно в десять часов утра,—это было в ноябре 1921 года,—я явился в кабинет Ленина со складным мольбертом, с полотном и красками.

Владимир Ильич уже был за работой и поздоровался со мной, почти не отрываясь от бумаг. Тем не менее, пока я устанавливал мольберт и накладывал на палитру краски, он время от времени перекидывался со мной отрывистыми фразами, задавая больше вопросы. Когда же я приготовился и произнес, что уже могу приступить к работе, Владимир Ильич оторвался от бумаг, положил на стол перо и спросил, где и как ему сесть. Я выбрал ему место и указал позу. И мы начали наш сеанс.

В самом начале моей работы доложили о приходе Цурюпы, с которым я уже познакомился в лифте, когда поднимался к Ленину. Затем зашел Свидерский. После него, сменяя один другого, потянулись другие посетители, были даже иностранцы, с которыми Владимир Ильич довольно свободно говорил на их языке.

Между прочим, в начале сеанса мы с Владимиром Ильичем условились, что он сядет сбоку стола, поближе ко мне, а для посетителей поставит кресло между мной и собой, с таким расчетом, чтобы я, когда он будет с ними говорить, мог писать его в три четверти. Для некоторых посетителей Владимир Ильич оставлял позирование и возвращался к столу.

В тот день я писал Владимира Ильича чуть ли не с половины одиннадцатого до четырех часов, наблюдая и изучая его страшно подвижное и богатое самой разнообразной мимикой лицо.

В промежутках, когда никого не было, и когда он отрывался от своей работы и перебирал на столе бумаги, мы говорили с ним о разных житейских делах, о литературе, о живописи, о Париже и о Петрограде.

Вспоминаю, что, когда я упомянул об одном шумливом поэте наших дней, Ленин сказал, что, „воспитанный на Некрасове“, он таких поэтов не понимает. Между прочим, я сообщил ему, что когда я начал писать свою галерею, профессор Венгеров, советовавший мне поехать за границу писать Плеханова, Кропоткина и Ленина, сказал мне в заключение: „Плеханов, сами знаете, какого значения величина; Кропоткин — стар, не сегодня-завтра умрет, а Ленин не сегодня-завтра выше того и другого поднимется“.

Владимир Ильич на это слегка улыбнулся, и его лучезарные морщинки возле глаз еще раз запечатлелись в моей памяти.

Тогда мы говорили также о живописи и о художниках.

— Много ли художников рисовало вас? — интересовался я.

Владимир Ильич отрицательно покачал головой.

— Лепила одна иностранка, да делал карандашом наброски один художник вот с такой бородой, — Владимир Ильич сделал полукруглое движение рукой от своего подбородка чуть не до пояса.

— Скульптор Андреев?

— Да, да.

— И больше никто?

— Еще этот... что написал „Баб“... Малявин. Но он нарисовал совсем крохотный минутный профиль и вовсе на меня непохожий...

Следующий наш сеанс должен был состояться на другой день с двенадцати часов. Однако, на другой день, когда я к двенадцати часам уже был у квартиры Ленина, мне встретился только-что посетивший его Свидерский и сообщил, что Ленин собирается на какое-то заседание. Не проверив, так ли это в действительности, и если так, то может-быть Ленин собирался не надолго, я вернулся домой. Недели две спустя, зайдя к Ленину за своим эскизом, я узнал, что он ждал меня в назначенное им время. А потом мне долгое время что-то мешало сговориться о возобновлении сеансов... Потом отъезд Владимира Ильича в Горки, болезнь...

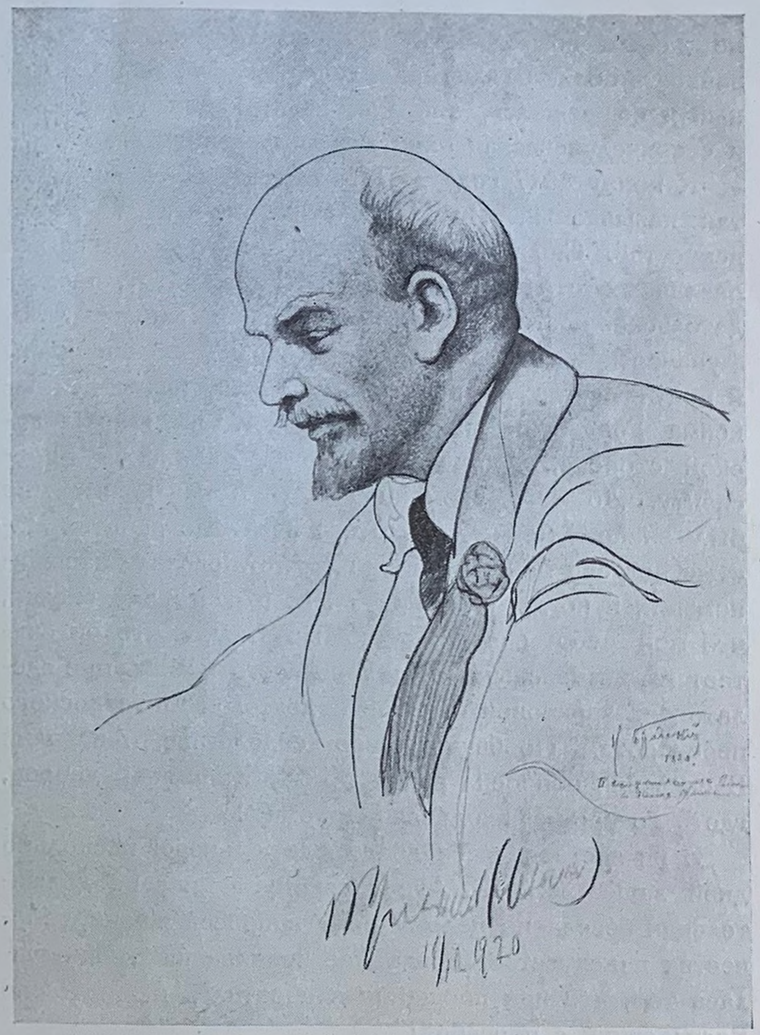
Впрочем, до переселения Владимира Ильича в Горки мне еще раз пришлось зарисовывать его на Девятом съезде советов, когда он выступал с речью.

И. И. БРОДСКИЙ

КАК Я РИСОВАЛ ЛЕНИНА

Октябрьский переворот с первых же его дней глубоко захватил меня. Мне сразу сделалось ясно, что позорно современнику, а тем более художнику, пройти безучастно мимо тех великих событий, которые не по дням, а по часам развивались перед нашими глазами. И, охваченный каким-то обычно несвойственным мне энтузиазмом, в те месяцы я как-то особенно глубоко реагировал на все происходящее.

Личность В. И. Ленина, имя которого с первых же дней Октябрьского переворота было окутано какой-то нечеловеческой пеленой, почему-то представлялась мне незаурядной и весьма интересной для внешнего изображения. Полное отсутствие хороших фотографий в те дни окончательно делало загадочной внешность этого человека. И я долго искал случая познакомиться с ним или просто повидать его вблизи, начиная еще с ноября 1917 года, но ничего не выходило. Лишь мельком я всматривался в него на том или ином митинге или докладе, но беспрерывная толкотня и давка, обычно царившие в таких местах,

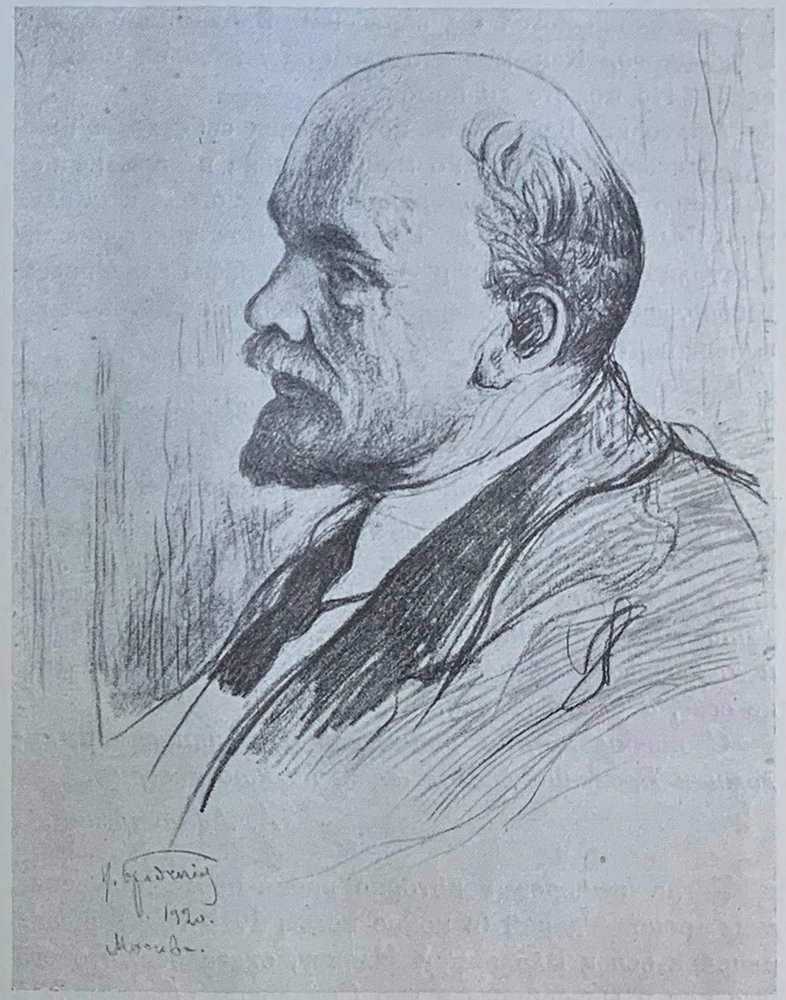


И. И. Бродский
Петроград, торжественное открытие II Конгресса Коминтерна, 19 июля 1920 г.

не давали возможности мне сосредоточиться, чтобы записать облик Владимира Ильича. Пойти же в Смольный я не решался, так как знал, какая гигантская и сверхчеловеческая работа там производится.

К концу 1917 года в Петербурге был организован так называемый „Исполнительный комитет по делам искусств“. Сюда входили лучшие представители самых различных отраслей искусств. Комитет этот, председательское место в котором обыкновенно занимал А. В. Луначарский, собирался в те месяцы довольно часто и почти всегда на квартире у А. М. Пешкова (Максима Горького), который жил тогда на Петроградской стороне, в доме № 23 по Кронверкскому проспекту. До того времени с А. В. Луначарским я не был знаком и знал только его печатные работы. Частые встречи на заседаниях Комитета сделали нас знакомыми, и когда однажды А. В. в разговоре сказал, что мои работы ему хорошо известны, и что он считает их интересными, я попросил его помочь мне сделать ряд зарисовок некоторых деятелей Октябрьского переворота. Пообещав свое содействие, Анатолий Васильевич попросил зайти к нему в Зимний дворец, где в то время находился Наркомпрос.

Я не заставил себя долго ждать и через несколько дней зашел к А. В. Луначарскому. Наша продолжительная беседа по целому ряду вопросов жизни, творчества и искусства, тогда нас волновавших, закончилась тем, что при прощании я обратился к Анатолию Васильевичу с просьбой:



И. И. Бродский
Москва, II Конгресс Коминтерна, август 1920 г.

„Я очень хотел бы зарисовать Владимира Ильича и Троцкого. Как мне это сделать, Анатолий Васильевич? Не можете ли помочь?“

Анатолий Васильевич не заставил себя долго просить, и через несколько минут у меня в кармане находились два собственноручных письма его — к Владимиру Ильичу и к Л. Д. Троцкому. Вот текст письма Анатолия Васильевича к В. И. (автографы этих писем теперь, вероятно, затеряны; воспроизвожу текст по копии, снятой мною в тот же день):

Дорогой Владимир Ильич!

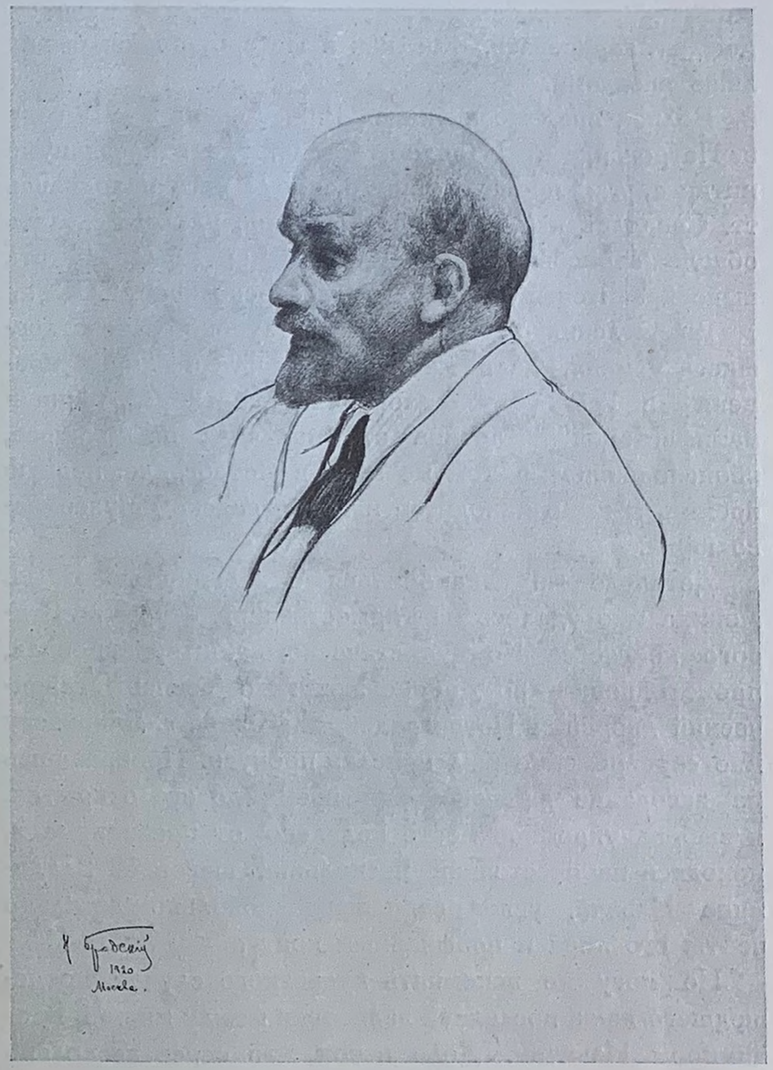
Податель сего, художник Бродский, один из талантливейших артистов кисти нашего времени, хочет сделать с Вас портрет.

Я полагаю, что желание его должно быть удовлетворено. Вряд ли кто-нибудь другой может передать для истории со всей желательной полнотой и яркостью Вас как лицо, принадлежащее отныне не себе, а человечеству.

С точки зрения этической и политической, художник Бродский заслуживает полного доверия.

А. Луначарский.

Когда я через некоторое время после получения этих рекомендаций (в конце весны 1918 года) решил направиться к Владимиру Ильичу, оказалось, что его уже нет в Петербурге, и что Совнарком переезжает в Москву. Л. Д. Троцкого мне также не удалось в те



И. И. Бродский

Москва, Всероссийская конференция РКП, 22 сентября 1920 г.

месяцы зарисовать, так как в Петербурге он бывал лишь наездами.

Вблизи впервые я увидел В. И. Ленина в 1919 году в Петрограде в Народном доме, где в президиуме митинга, там происходившего, кроме него находились тт. Свердлов и Зиновьев. Здесь мне удалось сделать общую зарисовку всего президиума; зарисовка эта ныне хранится в Москве в Музее революции СССР.

Впечатления этого митинга, глубоко запечатлевшиеся у меня, дали мне возможность в скором времени — в 1919 году — нарисовать картину „Ленин и манифестация". Картина эта получила на конкурсе, происходившем в том же году в Петрограде, первую премию и ныне находится в ленинградском Музее революции.

Детально же ознакомиться с внешностью В. И. Ленина мне удалось на торжественном открытии Второго конгресса Коммунистического Интернационала, происходившем во Дворце Урицкого (бывший Таврический дворец) в Петрограде. Благодаря т. Зиновьеву мне своевременно был прислан пропуск. Пробравшись на заседание за некоторое время до его открытия, я выбрал укромное место недалеко от президиума и, находясь на расстоянии нескольких шагов от Владимира Ильича, успел зарисовать довольно детально черты его лица и профильный контур.

Не могу не вспомнить курьезного случая, происшедшего из-за последней зарисовки между мною и Владимиром Ильичем. Дело в том, что через несколько

И. И. Бродский
Москва, III Конгресс Коминтерна, июль 1921 г.

часов после открытия Конгресса, на Марсовом поле состоялось возложение венков на могилы борцов за революцию. Возложение венков производилось делегатами Конгресса, среди которых находился и Владимир Ильич. Я также был там, причем в моей папке в законченном виде находился портрет Владимира Ильича, набросанный мною карандашом на открытии Конгресса. Очутившись у этих могил как-то около т. Ленина, я подал ему рисунок и попросил его подписать. Пристально всмотревшись в карандашный набросок, Владимир Ильич ответил мне, что он не похож здесь на себя. Делу помог стоявший рядом с нами т. Зорин, тогдашний секретарь Петроградского губкома партии, который начал убеждать Владимира Ильича в том, что тот совершенно не знает своего лица, и что портрет, без сомнения, удачен. Владимир Ильич не заставил меня долго просить и усмехнувшись принялся подписывать рисунок.

„Первый раз в жизни подписываю то, с чем не согласен“ — сказал он с улыбкой, передавая мне обратно набросок.

Но через несколько минут, когда рисунок пошел по рукам, и большинство товарищей сказали, что сходство уловлено, Владимир Ильич, снова посмотрев, промолвил: „А, ведь, кажется, действительно похож“.

Мое пребывание на открытии Конгресса дало мне мысль приняться за написание большой картины „Открытие Второго конгресса Третьего Интернационала“. Свою мысль я сообщил т. Зорину. Его-то, собственно

говоря, и нужно считать главным моим вдохновителем в создании картины и тем лицом, которому, без сомнения, она обязана своим существованием. Дело в том, что моя мысль ему очень понравилась, и он решил не откладывать ее в долгий ящик. На следующий же день он поехал к т. Анцеловичу, тогдашнему председателю Петроградского губпрофсовета. И так как последний против этого замысла не возражал, то на ближайшем же заседании президиума Губисполкома мое предложение, представленное т. Зориным, было принято.

Следует указать, что вместе с делегатами Конгресса, после открытия торжественного заседания, я из Петрограда поехал в Москву. Здесь, в Андреевском зале Большого кремлевского дворца, где происходили деловые заседания Конгресса, мне удалось сделать несколько новых зарисовок Владимира Ильича. Между прочим, у меня в архиве сохранилась фотография, на которой я снят за работой в Андреевском зале. Я сижу рядом с В. И. Лениным, который, держа на коленях бумагу, что-то в глубоком раздумьи записывает. Я считаю, что эта фотография, несмотря на свои технические недостатки, прекрасно передает облик Владимира Ильича в тот период. Между прочим, на этом же снимке я узнаю т. Покровского (справа), т. Павловича (рядом с графином наклонившего голову), т. Стеклова (второй слева)...

В моем архиве сохранилась также одна из моих зарисовок Владимира Ильича. Последняя, если

память мне не изменяет, была сделана мною в Москве же, через несколько недель после закрытия Второго конгресса — на Всероссийской партийной конференции. Конференция эта проходила в Свердловском зале в Кремле, и здесь т. Ленин выступил с речью по поводу перемирия с Польшей.

В июле 1921 года на III Конгрессе Коминтерна в Москве мне удалось сделать еще три зарисовки Ленина с натуры. И, наконец, несколько контурных набросков с Владимира Ильича, у меня имеющихся и относящихся к октябрю или к концу 1921 года, являются последними, сделанными мною с натуры. Приезды Владимира Ильича в Петроград уменьшились, а впоследствии — совершенно прекратились, я же безвыездно находился в Питере, так как над задуманным полотном „Конгресс Коминтерна“ приходилось работать не покладая рук.

Я очень жалею, что мне не удалось в те годы чаще видеть Владимира Ильича. Я никак не могу простить себе и того, что мною не был написан маслом большой портрет с него. Ведь в его внешности было что-то своеобразное, далеко незаурядное, что, вероятно, чувствовалось не одними художниками. И когда недавно — в 1925 году — я принялся в первый раз в своей жизни за скульптурное изваяние — за работу над бюстом Владимира Ильича, этот опыт я бросил, не доведя до конца, так как решил, что не обладаю достаточно большим количеством сведений, необходимых для такой ответственной работы.

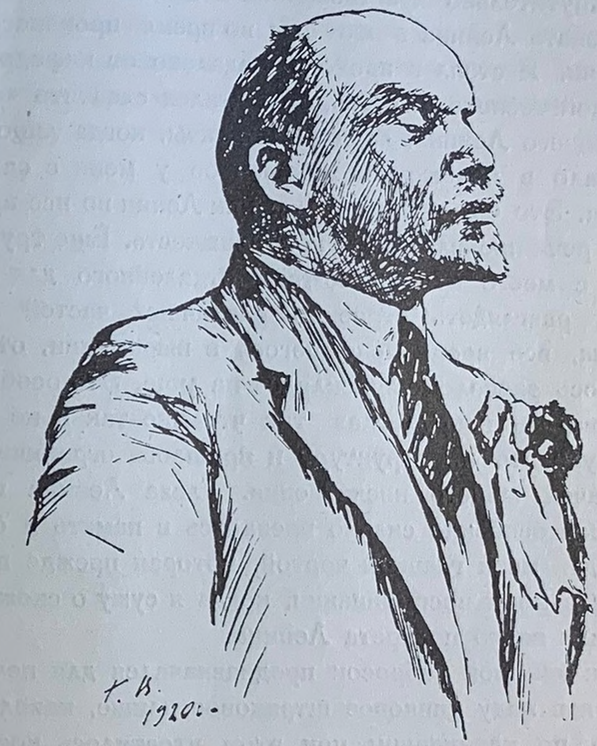
В настоящее время я надеюсь заполнить этот пробел тем, что изучаю весь где-либо существующий иконографический материал, рисующий Владимира Ильича в различные периоды его жизни. Я не оставляю мысль написать ряд полотен на темы из жизни Ленина. Это очень ответственно, но это необходимо и так заманчиво, что я буду счастлив, если первые опыты в этой области, за которую я уже в настоящее время принялся, будут удачными.

Г. С. ВЕРЕЙСКИЙ

МОИ ЗАРИСОВКИ В. И. ЛЕНИНА

Я видел Ленина два раза. В первый раз — на заседании I Всероссийского съезда советов, в июне 1917 года, когда он выступал против Керенского по поводу одного из законопроектов военного министерства. Видел я его тогда издалека и только, когда он проходил к выходу, я имел возможность разглядеть его вблизи. Впечатление от его лица было очень беглое, но характерное лицо Ленина не могло и при этих условиях не остаться в памяти. Своеобразный склад головы с сильно выступающим лбом, крепкая и короткая шея и, особенно, глаза с выражением непоколебимой силы отчетливо остались в памяти, и это давало мне возможность потом судить о схожести того или иного из портретов Ленина.

Второй раз мне удалось видеть Ленина на первом заседании Второго конгресса Коминтерна, 19 июля 1920 года. На этот раз я видел его сравнительно близко и в течение продолжительного промежутка времени. Наружность Ленина, его манера держаться или, лучше сказать, всякое отсутствие какой бы то ни было



Г. С. Верейский.

Петроград, торжественное открытие II Конгресса Коминтерна, 19 июля 1920 г.

манеры производили впечатление необычайной простоты и говорили о колоссальной воле, действие которой ощутительно чувствовалось в зале. Я попытался зарисовать Ленина в этот раз во время произнесения им речи. Я стоял в проходе, недалеко от кафедры, в большой тесноте, и с трудом пытался схватить черты говорящего Ленина, ловя те моменты, когда лицо его попадало в положение, намеченное у меня с самого начала. Это было трудно, так как Ленин во все время своей речи проявлял резкую подвижность. Еще труднее было с моего места, все-таки отдаленного для портрета, разглядеть строение различных частей лица Ленина, все время менявшегося в выражении, отчего менялось расположение складок на лице. Это особенно сказывалось вокруг глаз, так что мне так и не удалось уловить их структуру и пришлось ограничиться передачей общего впечатления. Глаза Ленина и на этот раз особенно сильно врезались в память и остались для меня главной чертой, которая прежде всего встает в моем воспоминании, когда я сужу о схожести того или иного портрета Ленина.

Так как мой набросок предназначался для печати, я, имея в виду цинковое штриховое клише, навел его тушью по карандашу; при этом утратилось кое-что из того, что было в карандашном наброске, — в глазах утратилась их острота и то, что было по-моему характерно для глаз Ленина с чисто-внешней стороны — их темный цвет, отчетливо выделявший их на общем светлом фоне лица.

Сделанная мною впоследствии литография была приложена к сборнику, посвященному памяти Ленина, изданному Моссоветом, и была выпущена Ленгизом в виде отдельного листа. Первоначальный же набросок был воспроизведен в сборнике, посвященном Второму конгрессу Третьего Интернационала, выпущенном в 1920 году издательством Коминтерна.

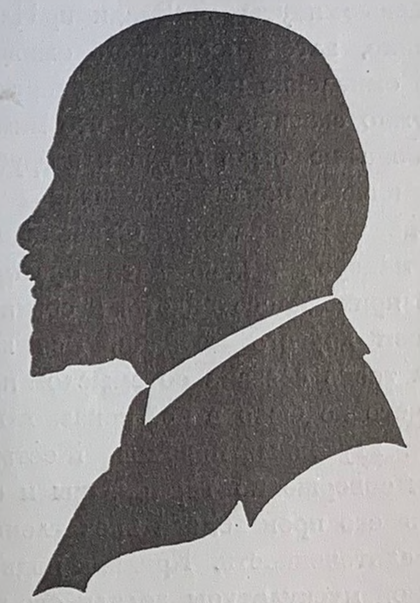
С. В. ЧЕХОНИН

В ПЕРВЫЕ ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

В 1920 году, когда в Петрограде, в бывшем Таврическом дворце, происходили заседания Второго конгресса Коминтерна, я получил от издательства Коминтерна предложение сделать миниатюрный портрет В. И. Ленина для альбома портретов деятелей Коминтерна. Тов. Новомирский, заведывавший тогда издательством Коминтерна, сообщил мне, что для Владимира Ильича будет изготовлен особый экземпляр книги, с вложенным в него миниатюрным портретом.

В Таврический дворец я поехал в сопровождении т. Баскакова. Несмотря на то, что мне был выдан особый пропуск, проникнуть на заседание было крайне трудно.

С величайшим трудом, пробиваясь сквозь толпу, попали мы во Дворец. Был момент, когда казалось, что нет никакой возможности пробраться к трибуне, — однако, с помощью т. Анцеловича, мне удалось, каким-то боковым путем, попасть к тому месту, которое было мне отведено для работы. Меня поместили налево от трибуны, за колонной, на расстоянии, примерно, двух



С. В. Чехонин
Петроград, II Конгресс Коминтерна, июнь 1920 г.

ГОС. МУЗЕЙ ВЕЩ. КУЛЬТ. ЗАПАД. В ЛЕНИНГРАДЕ

саженей от Ленина. Между нами были, насколько помню, тт. Серрати и Радек.

Начал я рисовать Ленина, когда он еще сидел за столом президиума, и продолжал рисовать, когда Ленин взошел на трибуну. Его встретили долго несмолкавшей овацией. В первые минуты речи Владимир Ильич держался очень спокойно, затем постепенно оживился, в дальнейшем это оживление перешло в энергичную жестикуляцию. Нужно сказать, однако, что мимика и жестикуляция Ленина не были резки или грубы, в них не было также ничего показного, никакой „актерской" подготовки не чувствовалось. Сравнивая его манеру говорить с манерой выдающихся ораторов-юристов, которых мне приходилось видеть, я сознавал, что это явление совсем другого порядка. Вся жестикуляция Ленина была тесно связана со смыслом произносимой им речи. Ничего не было в ней показного и напыщенного, никаких заученных приемов. Жесты Владимира Ильича были совершенно гармоничны и осмысленны.

Внешность его производила впечатление огромной волевой сосредоточенности. Крайняя подвижность его позы и лицевой мускулатуры делали его весьма трудною моделью для художника. Рисовал я его в профиль, который все время находился в движении. Мне удалось, однако, сделать несколько точных набросков карандашом, послуживших мне материалом для портрета. Один из рисунков я раскрасил дома, сделал обрамление из красной материи, а на фоне изобразил пылающий мир. Этот миниатюрный портрет и был поднесен Ленину

в альбоме Коминтерна (ныне портрет находится у Н. К. Крупской).

Первые силуэты Ленина, с натуры, были исполнены мною на основании тех же зарисовок.

Кроме наблюдений на заседании Коминтерна, я видел Ленина однажды в 1917 году, когда он выступал с речью на балконе дома Кшесинской. К сожалению, тогда я не имел возможности его зарисовать, потому что этому препятствовали и большое расстояние и толкотня в толпе.

Что касается посмертных портретов Ленина, то ни один из них не кажется мне вполне удовлетворительным в смысле сходства. Есть вещи, имеющие немалую художественную ценность, но никому не удалось добиться полного сходства. При жизни Ленина художникам не удалось как следует поработать с натуры над его портретом. От портретов же, сделанных по фотографиям, понятно, не приходится требовать безупречного сходства.

И. А. ГРИНМАН

С КАРАНДАШОМ В РУКАХ

Впервые имя Ленина я услышал в 1904 году у Максима Горького, у которого я провел летние месяцы в Финляндии, в Куоккала (мыза Линтула на даче Эстрем). Бывают в жизни минуты, когда ценишь прошлое больше, чем когда-либо. С тех пор прошло двадцать три года. Я сейчас вспоминаю о том, как много было вынесено впечатлений и переживаний за мое пятимесячное пребывание в доме замечательного писателя.

Вечерами — за большим столом всегда бывало много народу. Это была пора споров, больших споров на разные темы, но больше всего, я помню, говорили о политике, о рабочих, о революции. Здесь я впервые был свидетелем страстных споров о большевиках и меньшевиках. Эти споры тянулись глубоко за полночь. В то время, хотя мне и было двадцать шесть лет, но в политике я ничего не понимал. Меня мучил вопрос: что это такое за штука — большевики, меньшевики. При этом часто упоминалось слово „Ленин“. Поскольку я читал газеты, я понятно знал, что существует социал-демократическая рабочая партия, социалисты-революционеры и т. д., но о „большевиках“ и „меньшевиках“ совершенно не знал. А признаться в своем невежестве было как-то неловко. Кругом были люди умные. В конце концов пришлось набраться храбрости и обратиться за разъяснением к Алексею Максимовичу.

И вот, на другой день за сеансом писания портрета я спросил у Алексея Максимовича о „большевиках“ и „меньшевиках“. Горький добродушно улыбнулся. Помолчал некоторое время, закурил папиросу, глубоко затянулся, пустил густой клуб синего дыма и начал. Уже вечерело, звонок неистово звал к вечернему чаю. Гости, домочадцы кончали партию игры в городки, а Горький все говорил. Говорил он просто, толково, без красноречия. И когда он увидел, почувствовал, что я понял, он сказал: „Ну, теперь, И. А., пошли чай пить — рад, что поняли, рад, что был вам полезен“.

И вот впервые я узнал тогда, что на свете живет человек, имя которому Ленин. Что этот человек борется за освобождение трудящихся всего мира от гнета и нищеты, за освобождение эксплуатируемых от эксплуататоров. От Горького я узнал, что в 1903 году в социал-демократической партии произошел раскол на большевиков и меньшевиков, и именно вождем большевизма является Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Через полтора года (в декабре 1905 года) я был в Москве. На углу Моховой и Воздвиженки, где теперь Четвертый дом советов, в одном из верхних этажей зимой жил М. Горький. Я приехал на два дня и с вокзала заехал прямо сюда, чтобы переночевать. Тот же

приветливый прием, та же жизнь, те же нескончаемые беседы. Издавалась первая легальная большевистская газета „Новая жизнь".

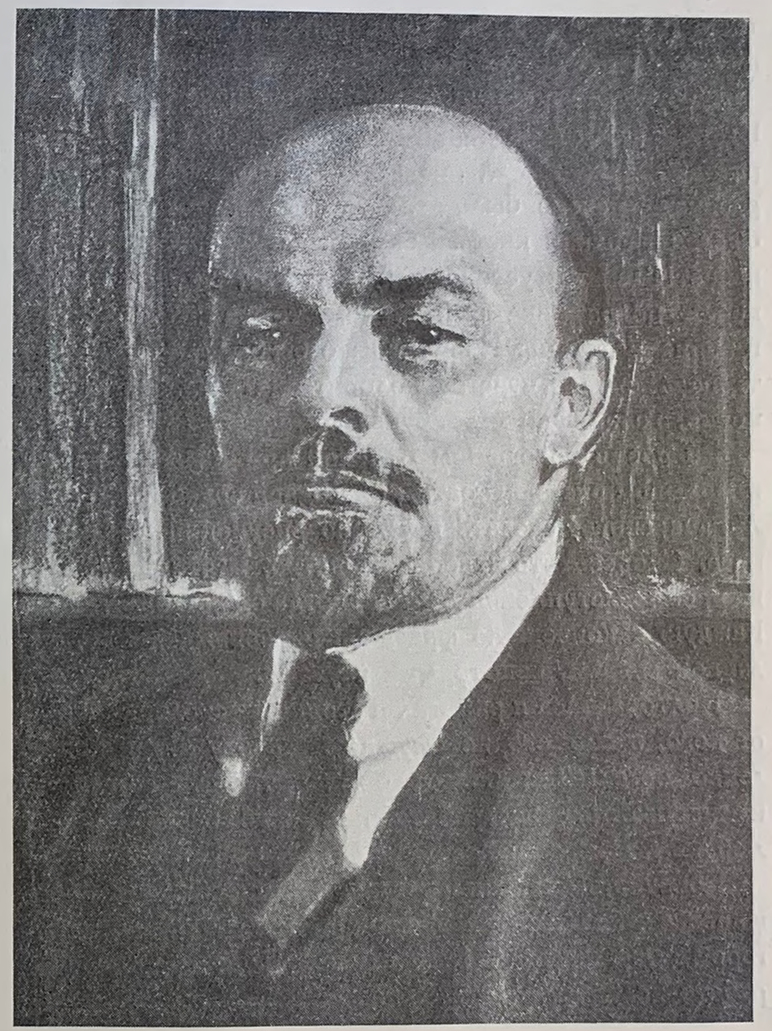
Имя Ленина в доме не сходило с уст. Вечером на другой день я узнал, что он сам был здесь. Я опоздал лишь на несколько минут и уехал обратно в Петербург, так и не повидав этого легендарного человека...

В первый раз я увидел В. И. Ленина на балконе бывшего дворца Кшесинской. Пытался сделать набросок, но условия были невозможные. Захлопнул альбом и отложил до более удобного случая. Случай этот представился на Втором конгрессе Коминтерна. Зарисовывать приходилось с непозирующего, во время речи.

В конце 1920 года я был командирован Петроградским советом для исполнения портретов вождей революции. И вот в Москве мне часто приходилось видеть и зарисовывать Владимира Ильича с натуры. Больше всего меня интересовал Владимир Ильич при ночном свете — при зеленом абажуре лампы.

Кабинет, в котором он работал, я знал хорошо. Два раза мне пришлось быть там, когда Владимир Ильич сидел, согнувшись над работой. Я помню момент, когда он встал из-за стола и остановился посредине комнаты, заложив, по обычаю, руки в карман. Вот этот момент я и избрал для своего изучения. Позировать Владимир Ильич не любил. Не то, что не любил — ему трудно было сидеть без движения.

Летом, в этом же году я, проходя по Театральной площади в Москве, вдруг вижу против Первого дома со-



И. А. Гринман
Москва, 1922 г.

ветов (бывшая гостиница „Метрополь“) толпу народа — в сквере, на трибуне, стоит В. И. Ленин и говорит.

Это была закладка памятника К. Марксу. Владимир Ильич был освещен ярким солнцем. Весь он был колоритный, яркий, с здоровым загаром на лице. Здесь рисовать нечего было — здесь могла работать только быстрая сочная кисть. Если бы случайно стоял здесь приготовленный устойчивый мольберт, с хорошим размером подрамника с полотном, то за этот час, что говорил Владимир Ильич, можно бы было, при наличии темперамента и чувства колорита, дать Ильича в движении, говорящим с трибуны.

Во время годовщины Красной армии мне пришлось в Большом оперном театре, благодаря содействию А. В. Луначарского, сделать пастелью рисунок на серой бумаге. Скорее—это живописное пятно. Взята вся фигура во время выступления Ленина, когда он „ставил точки“. Каждую законченную фразу он сопровождал жестикуляцией руками, некоторыми паузами.

Полтора часа я работал и стоял в нескольких шагах от него, и это его не смущало. Работу эту я немедленно остеклил и боялся больше трогать ее, чтобы не напортить. Эту работу я больше всего ценю и люблю.

Конечно, обильный фотографический материал, имеющийся с В. И. Ленина, очень помогает художникам; но горе тем, кто никогда его не видел. Дать жизнь в такой работе немыслимо.

НАТАН АЛЬТМАН

КАК Я ЛЕПИЛ ЛЕНИНА

1. В этих заметках, как и в моих рисунках, я не ставлю себе задачей дать характеристику Владимира Ильича Ленина. Это лишь запись отдельных моментов того времени, когда мне пришлось быть вместе с ним.

2. В мае 1920 года, когда я лепил Ленина и делал эти рисунки, Ленину исполнилось пятьдесят лет.

3. Когда Ленин сидит за столом, он кажется значительно выше своего роста. Это оттого, что у него короткие ноги. У него большой, выдающийся вперед лоб, очень своеобразный череп, срезанный на темени, глаз часто щурится. Впрочем, все это виднее на рисунках.

4. Работал я в кабинете Ленина в течение нескольких недель с десяти с половиной утра до четырех-пяти вечера ежедневно. Во время секретных переговоров я выходил в соседнюю комнату.

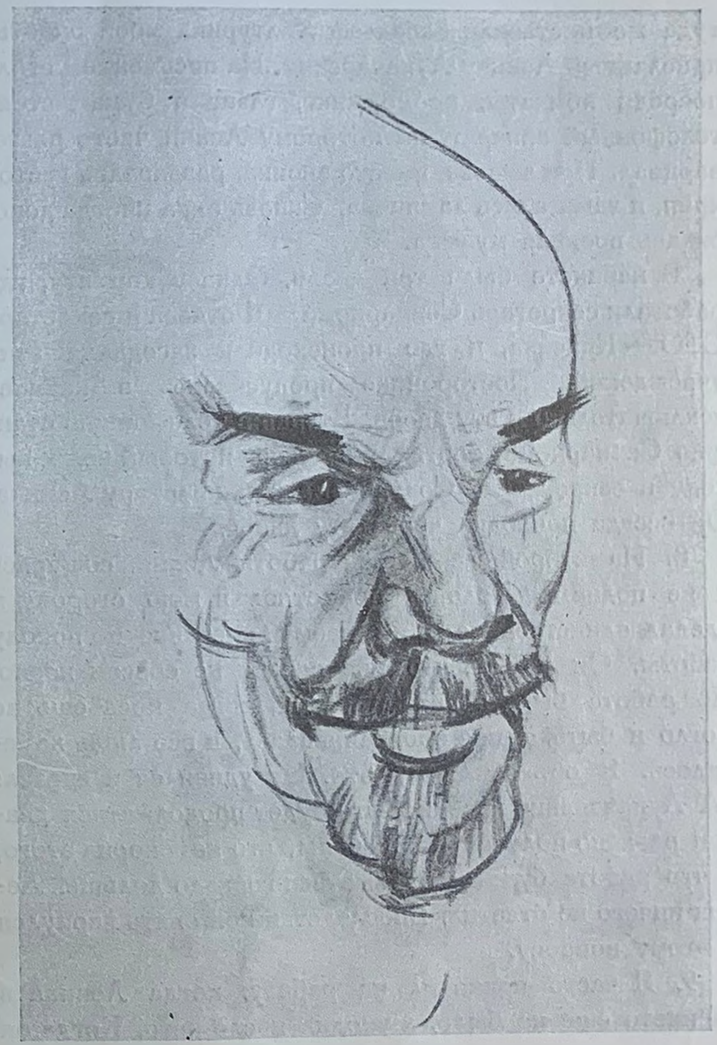
5. Начал я делать его портрет почти случайно. В один из моих приездов в Москву (жил я тогда в Петрограде) я зашел к Луначарскому в Кремль. В одной из комнат с книжными шкафами вдоль стен, служившей

также столовой, стоял скульптурный станок с глиняным только-что законченным бюстом. Оказалось, что это портрет Луначарского. Он совсем не походил на оригинал. Меня удивила неразборчивость, с какой Луначарский отдает свое время людям, делающим себе имя на портретах известных людей, и захотелось показать, как делают настоящие портреты. Я предложил Луначарскому вылепить его портрет. Он согласился позировать. Я стал ежедневно бывать в Кремле.

6. Некоторые учреждения предложили мне сделать портрет Ленина к его пятидесятилетнему юбилею. Я знал, что Ленин до сих пор не соглашался позировать, и думал, что из этого ничего не выйдет. Все же я сказал об этом Луначарскому, прося его переговорить с Лениным. Он обещал. Через несколько дней Луначарский сообщил мне, что Ленин согласился. Я удивился и обрадовался. Ленин впервые согласился позировать художнику.

Я привез глину, станок и необходимые инструменты. Все это я уложил в лифт и поднялся на третий этаж, в кабинет Ленина. В кабинете никого не было. В лифте и коридорах сильно пахло карболкой.

7. Кабинет Ленина не очень большой, с двумя окнами на кремлевский двор. Между окнами зеркало. Отражением Ленина в нем я иногда пользовался при работе. У стен стояли шкафы с книгами, висели географические карты. У одной из стен стоял диван с высокой спинкой. На полке дивана стоял портрет Маркса, подарок одного из заводов Петрограда; впоследствии



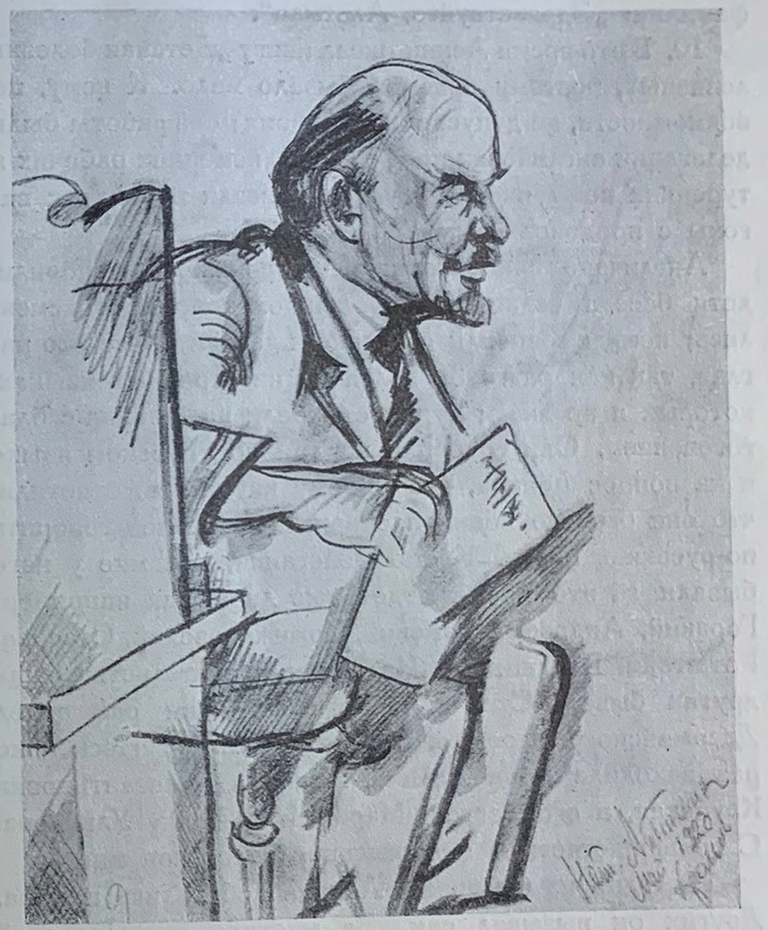
Натан Альтман
Москва, Кремль, май 1920 г.

туда же поставили барельеф Халтурина моей работы, присланный Ленину Луначарским. На письменном столе посреди комнаты, кроме книг, газет и бумаг, стоял телефонный аппарат, по которому Ленин часто разговаривал. При вызове, вместо звонка, раздавался густой хрип, и зажигалась лампочка. Сквозь окна иногда доносилась военная музыка.

В кабинете были три двери. Одна в комнату, где работали секретарь Совнаркома — Фотиева и секретарь СТО — Красина, и где происходили заседания этих учреждений. Посторонние пропускались в кабинет исключительно в эту дверь. Вторая в телефонную станцию Совнаркома, третья в коридор, который вел к выходу в секретариат Совнаркома и на квартиру Ленина. Он всегда приходил через эту дверь.

8. На второй день моей работы Ленин, сощурясь и не поднимая головы, посмотрел в мою сторону и сделал единственное за все время замечание по поводу работы. Он нашел, что нос сделан не совсем верно. Но работа была в такой стадии, когда носа еще не могло и быть, глина оболванивалась, и все лишь намечалось. Я объяснил ему это. Он удивился и сказал: „А Луначарский говорил, что будет продолжаться два-три раза по получасу“. Я заявил, что не говорил этого, и что работа будет продолжаться гораздо дольше. Ленин ничего не ответил. Впоследствии он опять вернулся к этому вопросу.

9. Я часто приходил на работу, когда Ленина в кабинете еще не было, а уходил после него. Когда он



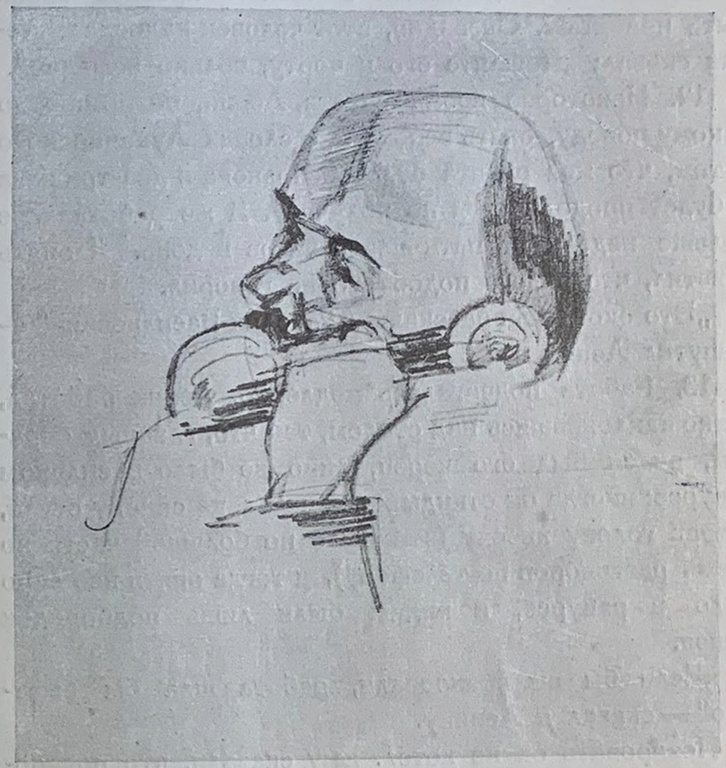
Натан Альтман
Москва, Кремль, май 1920 г.

приходил, он здоровался со мной, называя меня по фамилии: „Здравствуйте, Альтман".

10. В это время Ленин писал книгу „Детская болезнь левизны", поэтому приемов бывало мало. К нему, по возможности, не допускали. За время моей работы были делегации английских профсоюзов, немецких рабочих и турецких коммунистов. Турки привезли в подарок вагоны с продовольствием.

Англичане присматривались, оценивали и спорили, хотя беседа велась в добродушном тоне, часто смеялись; немцы говорили серьезно и деловито, все это наглаз, так как разговор велся на иностранных языках, которых я не знаю; турки смотрели на Ленина с благоговением. Они говорили на ломаном русском языке и на вопрос Ленина, где они ему научились, ответили, что они бывшие военнопленные и научились говорить по-русски в плену. Кроме делегации, при мне у него бывали за это время отдельные лица, как например: Горький, Андреева, Томский, Кржижановский, Стасова, Ротштейн, Владимиров. Из членов правительства чаще других бывали Сталин, и Каменев. Один раз видел Дзержинского перед его отъездом на юг. Несколько раз заходила жена Ленина, Надежда Константиновна Крупская, и его сестра, Мария Ильинична Ульянова. С большинством из них разговор велся при мне.

11. Одни из бывших у Ленина добивались приема. Других он вызывал сам. За многими посылал свой автомобиль. Со всеми он был ровен, шутил, иногда сквозила ирония. Он мягко давал наставления, которые



Натан Альтман
Москва, Кремль, май 1920 г.

беспрекословно принимались. От него исходило обаяние, которому невозможно было не поддаться.

Раз Фотиева доложила о чьей-то просьбе снова быть принятым. Очевидно, этот человек надоедал. Ленин сказал: „Пошлите его к чорту, только вежливо".

12. Некоторое время спустя, Ленин, не помню по какому поводу, опять вспомнил о словах Луначарского о том, что моя работа будет исполнена в два-три раза и будет продолжаться по получасу. Я же работал уже больше недели по пяти-шести часов в день. Я опять ответил, что ничего подобного не говорил.

„Это охотничьи рассказы Анатолия Васильевича" — пошутил Ленин.

13. Работа подвигалась медленно. Ленин работал, низко наклонившись над столом, так что, главным образом, виден был его череп, лицо же было в сильном ракурсе: иногда он откидывался назад, на спинку стула, задрав голову кверху (это было по большей части во время разговоров по телефону), и тогда опять все лицо было в ракурсе, и видны были лишь подбородок и шея.

„Если бы вы позировали, работа шла бы быстрее" — сказал я Ленину.

Позировать он не хотел. Ему сказали, что позировать не придется. „Ведь это будет неестественно" — сказал он.

Я предложил Ленину время от времени смотреть в мою сторону, прохаживаться по комнате. На это он согласился.

Натан Альтман
Москва, Кремль, май 1920 г.

14. Работая, Ленин часто насвистывал. Раз как-то ему принесли открытое письмо. Читая его, он расхохотался, потом положил в боковой карман и продолжал работать. Время от времени он отрывался от работы, вынимал письмо и, глядя на него, смеялся, потом снова клал в карман и опять принимался за работу.

15. От искусства Ленин, повидимому, был далек. Раз в разговоре он сказал: „Я могу двадцать раз слышать одну и ту же мелодию и не запомнить ее“.

Единственными предметами искусства в его кабинете были портреты Маркса и Халтурина.

16. Ленину, очевидно, сказали, что я „футурист“. Он спросил, „футуристическая“ ли скульптура, которую я с него делаю. Я объяснил, что в данном случае моей целью является сделать его портрет, и что эта цель диктует и подход к работе. Он просил показать ему „футуристические“ работы. Когда я ему показал, Ленин сказал: „Я в этом ничего не понимаю, это дело специалистов“.

Как-то я показал Ленину фотографию со сделанного мною скульптурного портрета Луначарского. В глазах портрета Ленину показалось что-то незнакомое. Я заметил, что это, вероятно, потому, что на портрете нет пенснэ, в котором он привык видеть Луначарского. „А как обыкновенно, — спросил Ленин, — в скульптуре делают пенснэ?“

17. Раз Ленин спросил меня, нормально ли количество времени, потраченное мною на работу, или оно больше или меньше нормы.

18. Жена Ленина и жена Луначарского не находили портреты своих мужей удачными. Жена Луначарского не нашла в портрете души Анатолия Васильевича, а жена Ленина, когда ей показали альбом с рисунками, просмотрев, сказала: „Это не Володя“.

19. Солнце проникало сквозь окно и сушило глину. Ее приходилось усиленно поливать. Ленин не позировал, и я принужден был обходить его со всех сторон, останавливаться то справа, то слева, то сзади его кресла и рассматривать его. Весь пол был покрыт следами ног, выпачканных в глине. Целый день торчал в кабинете и возился чужой человек. Я сказал: „Владимир Ильич, должно быть, я порядком надоел вам“. Ленин внимательно посмотрел на меня и сказал: „Работайте тем же темпом, сколько вам понадобится, я не буду вам мешать“.

20. Первое мая. Десятки тысяч трудящихся стройными колоннами, с пением и красными флагами, направлялись на заранее установленные места. Я, по обыкновению, направился в Кремль на работу. В канцелярии Совнаркома пусто. В кабинете никого. Я спросил охрану, никогда не отлучавшуюся, про Ленина. „Он на первомайском субботнике по очистке Кремля“ — был ответ. Как я узнал потом, Ленин носил бревна.

21. „С праздником, Альтман, — сказал, входя в кабинет, Ленин. Он улыбался, в петлице алела красная ленточка. Он удивился, что я работаю. — Сегодня ведь праздник — Первое мая“ — сказал он.

22. На барельефе Халтурина, о котором я уже упоминал, была слабо вдавлена надпись: „Халтурин“. Раз Ленин попросил сделать ее яснее и тут же объяснил: „Я должен всем разъяснить, кто это“.

23. Я собрал у окружающих в секретариате несколько его фотографий, среди которых были довольно редкие (Ленин, снятый гимназистом, и другие), и расставил их на диване, полке книжного шкафа, иногда сверяя по ним отдельные черты. Обычно я оставлял их на тех же местах, полагая, что они никому не мешают. Когда я пришел на другой день утром, их не оказалось. Я начал их разыскивать и нашел на одном из столов кабинета. Просматриваю: оказывается, что одной редкой фотографии нет. Полагая, что ее взял владелец, я просил в секретариате справиться об этом, остальные опять расставил и начал работать. Вошел Ленин, заметил фотографии и сказал: „Ах, это Ваши, а мне надоело, что они тут торчат, и я велел их убрать“. Я сказал, что одной фотографии нехватает, и спросил, не знает ли он, где она. „Вчера во время заседания кто-то попросил ее у меня, и я ее отдал“ — сказал Ленин. Оказалось, фотографию взял Радек.

24. Однажды Ленин пришел в шапке и сказал, что сегодня он остается недолго, так как должен уехать. Он сел в шапке за письменный стол и начал работать. Кроме шапки, мне ничего не было видно. „Снимите пока хоть шапку, ничего не видно“.— „Это можно“ — ответил Ленин.

25. В то время я вздумал собирать автографы. Я попросил Ленина написать мне что-нибудь в альбом. Он обещал. Когда через несколько дней я принес альбом и напомнил ему об этом, он сказал: „Я напишу вам сегодня только фамилию, башка трещит после всех этих заседаний“.

26. Во время моей работы началось польское наступление. В кабинете Ленина почти ничего не изменилось. Лишь чаще стали заседания, и Ленин стал подходить к географическим картам.

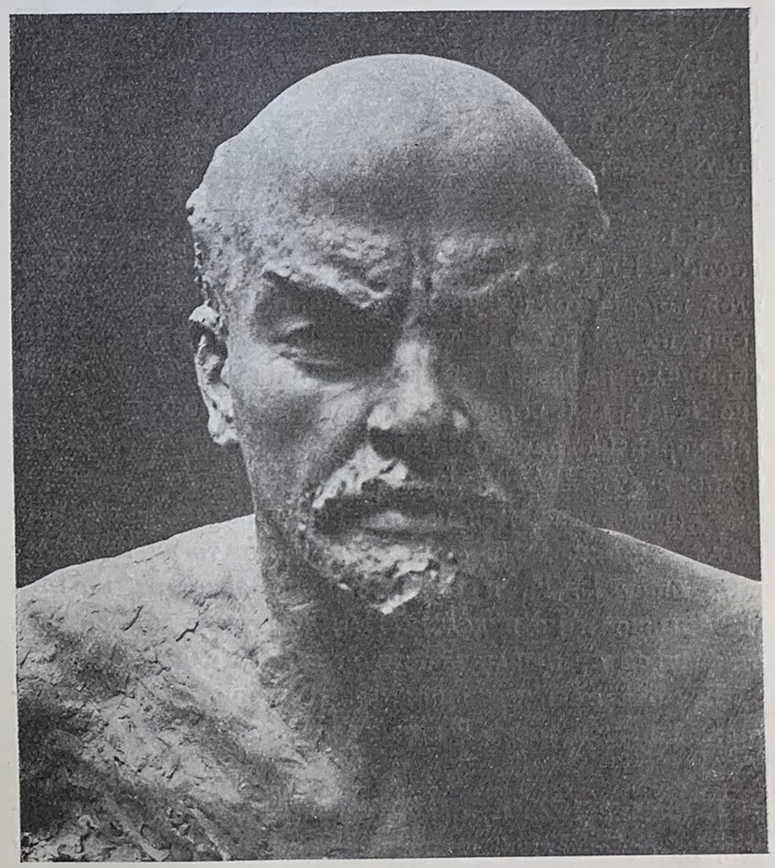
27. Моя работа приближалась к концу. Я получил телеграмму о том, что мое возвращение в Петроград необходимо. В перерыве заседания, когда Ленин вышел, служители вошли в кабинет и вынесли скульптуру. Тут же, в одной из комнат, бюст был отлит в гипсе, и я уехал в Петроград. Выходя вслед за служителями из кабинета, в дверях я в последний раз встретился с Лениным, который в это время входил. Мне жалко было расставаться с этим местом, где я чувствовал биение нового мира.

Н. Л. АРОНСОН

ЕДИНСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА

В конце 1908 года в Париже была созвана Всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. Город в те дни был наводнен русскими революционерами, среди которых я имел не мало друзей, нередко навещавших меня. Чаще другух в мастерскую (93, rue de Vaugirard) заходил ко мне А. В. Луначарский, живо интересовавшийся всем новым в искусстве. Тогда же А. В. выступал как художественный критик. Вспоминаю, что около того времени А. В. поместил в каком-то парижском журнале статью о большой, законченной в те месяцы, скульптурной группе моей „Разочарование". Выставленная в „Парижском салоне", она обратила внимание многих русских товарищей и в частности А. В., который отозвался о ней восторженно. Фигура по моему замыслу должна была изображать Россию после 1905 года, Россию, скованную реакцией, Россию с опущенными руками; „когда этот гигант встанет — он разорвет мир" — писал Луначарский.

Думаю, что и В. И. Ленина, впервые приехавшего в те месяцы в Париж на конференцию, и имя которого



Н. Л. Аронсон
Париж, 1925 г.

было на устах всей тогдашней русской колонии, эта статуя заставила поинтересоваться моими работами. Иначе ничем не объяснишь того, что в одно ясное утро ранней парижской весны 1909 года ко мне в мастерскую, вместе с А. В. Луначарским, пришел и Ленин.

С первого взгляда меня поразила его „человечность". Ничего „диктаторского" не чувствовалось в этой коренастой фигуре человека, мимо которого пройдешь по улице не останавливаясь. В нем ничего не обращало на себя внимание — единственное исключение составлял череп, определенный мною тогда же как череп Сократа (об этом вспомнил недавно в своих воспоминаниях А. В. Луначарский).

К сожалению, моя память не сохранила мне наших бесед. Помню лишь о своем желании тогда же вылепить бюст В. И. и его обещание заходить ко мне. Но больше я не видел В. И. и поэтому должен был отказаться от мысли лепить его бюст с натуры.

В моей же памяти надолго сохранился его характерный взгляд, резкая подвижность его лица...

В начале 1925 г., освободившись немного от заказов, по собственной инициативе я принялся за лепку бюста Владимира Ильича. Должен предупредить, что меня совершенно не интересовало портретное сходство. Абсолютное сходство — достояние фотографии. Те же бюсты, которые мне пришлось видеть и кото-

рые широко распространяются в СССР, изображают почти всегда какого-то сатира, а не Ленина.

Работал я над моим Лениным два года. За это время я сломал до двадцати бюстов — и лишь в последнем бюсте, который был привезен мной в СССР в 1927 году, я сумел, по моему мнению, выявить Ленина как символ силы, как вдохновителя миллионных масс.

Лучшим показателем ценности моей работы были для меня мнения белогвардейцев, видевших этот бюст. Как обрушился на меня Куприн, пришедший ко мне в мастерскую специально посмотреть бюст Ленина! Плодом этого посещения оказался написанный желчью фельетон в каком-то белогвардейском листке, где он обвинял меня во всех смертных грехах. Злоба их ясна: Ленин как вождь миллионных масс, Ленин как организатор октябрьского восстания слишком памятен им.

Отзывы же побывавших в прошлом году у меня в мастерской в Париже тт. Семашко и Луначарского и видевших последнюю редакцию бюста в окончательный период его создания, меня вдохновили до конца. Когда же Н. К. Крупская перед выставленным бюстом моим в Москве сказала: „это — кусок Ленина" — я понял, что цель моя — передать в своей работе вечную динамику В. И., его вечное стремление вперед, его железную силу воли, увлекавшую массы за собой — мною достигнута.

Б. Д. КОРОЛЕВ

МОЕ „СТОЛКНОВЕНИЕ“ С ЛЕНИНЫМ

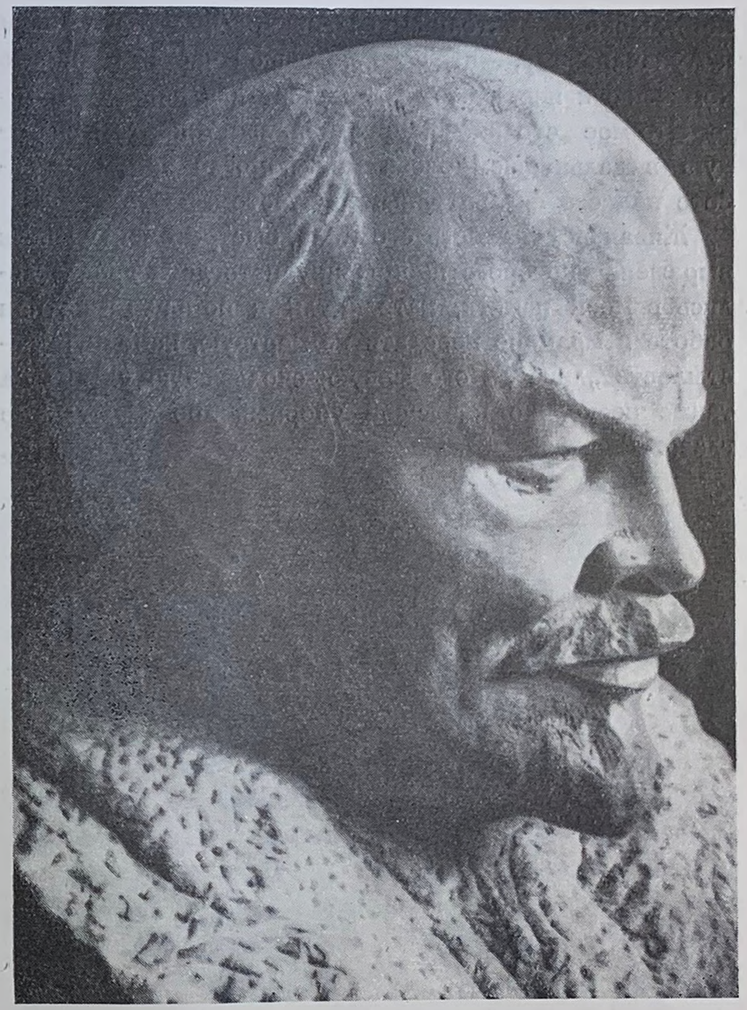
Первого мая 1920 года в Москве, в Музее изящных искусств, была устроена выставка скульптурных проектов памятника „Освобожденный труд“.

На выставку приехал В. И. Ленин в сопровождении А. В. Луначарского, Л. Б. Каменева и др. Осматривая проекты, В. И. делал те или иные замечания, и на его лице быстро отображалось удовольствие или разочарование.

Подойдя к моему проекту, Владимир Ильич остановился, и я, стоя рядом, заметил на его лице удивление. Дело в том, что из всех выставленных проектов единственный мой был разрешен в системе кубистической конструкции.

Ясно было, что он вдруг увидел что-то для него новое и непонятное. Перед этим неизвестным заработала его мысль и мгновенье за мгновеньем отображалась на лице его целым рядом сменяющихся выражений.

Удивление сменилось пытливостью, пытливость — упорным отрицанием, затем появилась лукавая, саркастическая усмешка и, наконец, разрядилось добродуш-



Б. Д. Королев
Москва, 1924 г.

ной улыбкой. „Анатолий Васильевич,— обратился Ленин к Луначарскому,— это уже по вашей части. Соберите комиссию и передайте этот проект для разбора".

Это мое „столкновение" с Лениным и притом вплотную в дальнейшем очень мне помогло при моей работе над его скульптурным портретом.

Живая подвижность его лица, быстро сменяющиеся выражения которого промелькнули тогда и запечатлелись в моей памяти, натолкнули и помогли мне при работе в мраморе передать не мертвую, каменную застылость „лика", а его живую, скользящую улыбку, а также несколько нависший упорный лоб и пытливые глаза.

Э. Э. ЭССЕН

В ЖЕНЕВЕ, В КЛАРАНЕ И В ПЕТЕРБУРГЕ

(Когда я рисовал Ленина)

После разгрома рабочих стачек, бывших летом 1903 года на юге России, я был командирован питерскими товарищами за границу, в центр тогдашнего руководства русским социал-демократическим движением— в Женеву. Можно себе представить с каким трепетом я,— тогда еще совершенно желторотый революционер,— подъезжал к Женеве, где должен был познакомиться с Лениным и Плехановым. Почему-то мне казалось, что из всех наших вождей наиболее неприступен Ленин. Личное же знакомство с ним заставило меня стать на прямо-противоположную точку зрения.

Приехал я в Женеву вскоре после II съезда партии, если память мне не изменяет, в начале сентября. Следует указать, что большинство нашей питерской организации, в том числе и я, ведя борьбу с экономистами и народниками, чувствовали, что победителями в нашей работе мы выходим почти всегда в том случае, когда следуем указаниям Ленина („Что делать"). Поэтому известие о расколе партии заставило меня, ни минуты

не рассуждая, остаться верным ленинцем. Этому способствовало, между прочим, и следующее: в Женеве сразу бросилось мне в глаза разительное различие между большевиками и меньшевиками. У меньшевиков отношения с внешней стороны были как будто бы более и интимны и товарищески, они постоянно ходили друг к другу, спорили, волновались. Но при более внимательной оценке этих отношений не только мне, но и остальным товарищам, с которыми приходилось об этом беседовать, становилось очевидным, что под этой внешней интимностью таится обывательщина, самомнение, и вся группа меньшевиков в сущности не представляла собою кадра революционных работников, спаянных такою крепкою дисциплиною, чтобы стать достойными солдатами революционной рабочей армии. Это были просто отдельные, обособленные индивидуумы: их совокупность очень напоминала крыловскую басню „Лебедь, рак и щука".

Мое знакомство с Лениным произошло в первые дни моего приезда. Я подробно информировал его о состоянии дел в нашей организации, о ходе южнорусских рабочих забастовок, куда я был отправлен в свое время петербургским комитетом. После первых же наших бесед я понял всю силу воздействия Ленина. Внимательно выслушав меня, В. И. с большим упорством спорил в тех случаях, когда я в своих выводах уклонялся в сторону от правильного пути, причем я не помню ни одного случая, чтобы он при этом взял тон ментора. Впечатление было такое, что

он знает не больше нашего, что не он нас учит, а мы учим друг друга взаимно. Однако, готовый не ограничиваться временем, если нужно помочь товарищу стать на истинно-революционный путь, он умел не превращать этих бесед в обывательщину.

Г. В. Плеханов, занявший на II съезде большевистскую линию, находился в то время также в Женеве, где вместе с Лениным редактировал „Искру" (как известно, третий редактор „Искры", выбранный на съезде, — Мартов, отказался от вхождения в редакцию). Кроме них в „Искре" почти никто не работал, так как социал-демократические „генералы", сотрудничавшие в „Искре" и сочувствовавшие меньшевикам, отказались работать в газете, в которой не было ни Мартова, ни Аксельрода. Произошла, как выражался со свойственным ему остроумием Плеханов, „grève générale des généraux" (всеобщая стачка генералов). Номера „Искры" от 46 до 51 включительно вышли под редакцией Ленина и Плеханова, причем последний из этих номеров еще раз „тряхнул стариной". Он стал помещать статьи, в которых учил тактике уличного боя, писал о том, как строить проволочные заграждения... Между прочим, в то же время в „Искре" мною были помещены заметки под инициалами А. А.

С Георгием Валентиновичем меня познакомил Ленин в сборном пункте эмигрантов, в ресторане „Лондольт". И если Ильич своей простотой в обращении сумел сразу сделать непринужденными наши отношения, то в разговоре с Плехановым я чувствовал себя,

как перед экзаменом. Вспоминаю высокомерный ответ Плеханова, которому я высказал от имени нашей организации удивление по поводу половинчатости его политики к забастовкам, выраженной в одном из писем к нам, и как смеялся Ильич, когда я сообщил ему этот ответ Плеханова: „передайте вашим товарищам, что их папаши еще не женились на их мамашах, когда я уже был революционером".

Приблизительно через месяц после моего приезда в Женеву — в конце октября по новому стилю — там был созван второй очередной съезд Заграничной лиги русской революционной социал-демократии. Этот съезд имел крупное значение для определения первых этапов раскола большевиков и меньшевиков. И именно на этом съезде, высказавшемся против большевиков и этим углубившем раскол, произошли события, которые повлекли за собой выход Ленина из редакции „Искры" и ее дальнейший переход к меньшевикам. Как выясняют материалы, опубликованные в первом „Ленинском сборнике" (стр. 189 — 191), последнее заседание Лиги произошло 30 октября нов. ст. Этим днем и определяется момент решения Г. В. Плеханова от союза с Лениным перейти к союзу с меньшевиками и момент решения Владимира Ильича выйти из редакции „Искры". Вскоре Лениным была написана листовка „Почему я вышел из редакции „Искры".

Через несколько дней после закрытия съезда Лиги вышел очередной № „Искры" — 52-ой (датированный 7 ноября 1903 года), под единоличной редакцией Пле-

Э. Э. Эссен
„Чего не делать". Женева, 1903 г.

нова. Передовицей в этом номере была помещена статья самого Плеханова под заглавием: „Чего не делать“. В этой статье, написанной против известной брошюры Ленина „Что делать“, Плеханов в своих взглядах резко поворачивал направо и почти доходил до оппортунизма.

Под влиянием прочитанной статьи во мне проснулась моя страсть к рисованию (по своей специальности я — художник-архитектор, в те годы числившийся еще студентом Академии художеств) и я принялся набрасывать карикатуру на Плеханова. На рисунке я изобразил Георгия Валентиновича, отплывающего на калоше с левого берега к правому. Слева я нарисовал Ленина, старающегося вернуть Плеханова на левый берег (там я изобразил заводы, толпы рабочих). На правом берегу одинокие фигуры Мартова и Троцкого. Парусом же калоши, на которой Плеханов плывет к меньшевистскому берегу, я нарисовал первую страницу № 52 „Искры“ с заголовком плехановской передовицы — „Чего не делать“.

Карикатура вызвала интерес у моих женевских друзей, обошла всю русскую колонию и дошла до Ленина, который при ближайшей встрече со мной сказал с улыбкой, что оставляет рисунок у себя. — Лишь через 20 с лишним лет карикатура появилась в печати. Я давно успел забыть о ней, как случайно наткнулся в 1925 году на воспроизведение ее (без указания автора и объяснений) во втором издании книги П. Н. Лепешинского „На повороте“. В сборнике же Истпарта „Как родилась партия большевиков. Литературная полемика

1903 — 04 гг.“, просмотренном мною только сейчас, тов. Щукевер неправильно приписала авторство этой карикатуры Н. Валентинову.

Отказавшись от своей первоначальной мысли поехать в Италию на лечение (у меня начался туберкулезный процесс в легких) я отправился по настоянию Ленина в том же ноябре месяце в Россию для агитации за большевистскую линию.

Из Женевы я отправился по поручению Ленина на работу на Волгу. Здесь я пробыл недолго и в начале следующего 1904 года я был уже в Одессе, где окунулся с головой в работу. Принимая большое участие в работе одесского комитета Р.С.-Д.Р.П., я, в числе других товарищей, составлял резолюцию Комитета, вынесенную в марте 1904 года. В этой резолюции мы, по типу других, большевистски настроенных комитетов, выдвигали мысль о созыве III съезда, считая его единственным выходом из гибельного для партии кризиса. Здесь же мы, между прочим, обрушивались на статью Плеханова в № 52 „Искры“ — „Чего не делать“, послужившую темой для моей карикатуры. „Несмотря на прежние свои ожесточенные нападки на меньшинство, — писали мы в этой резолюции, — Плеханов становится на сторону последнего и помещает в № 52 „Искры“ статью, которая, — из каких бы благих намерений автор ее ни исходил и какие бы исключительные обстоятельства он ни имел в виду, — во всяком случае дает повод к различным толкованиям, до оппортунизма включи-

тельно“ (резолюция эта напечатана в сборнике „Как рождалась партия большевиков“ в главе „Борьба за съезд“).

Вплоть до осени 1905 года я работал в Одесском комитете. За это время я получил от Ленина несколько писем, в которых через меня он инструктировал Одесский комитет. Письма эти были написаны химическими чернилами и посылались на адрес секретаря редакции „Южного обозрения“, тов. Соколовского. К сожалению, подлинники этих писем у меня не сохранились; по словам товарищей перлюстрированные копии их нашлись в делах одесской охранки, которая, как нам теперь известно, неоднократно расшифровывала химический текст заграничных писем. Письма эти, кажется, где-то напечатаны на юге.

В ноябре же месяце я получил следующее письмо от Ленина из Нюренберга (дата его — 7 ноября нов. стиля). Вот текст его:

Барону [1] от Ленина.

Дорогой товарищ. Целый ряд вестей, полученных мной относительно вас, заставляет меня очень просить вас оставить временно работу и приехать сюда на месяц. Я прекрасно понимаю, как вас увлекает работа и как трудно от нее оторваться, но надо же думать о распределении сил с точки зрения общего плана кампании. Нам необходимы опытные

[1] „Барон“ — мой революционый псевдоним.

работники, и вы обязаны найти себе заместителя из молодежи на время, а сами непременно приехать сюда для улажения некоторых общих дел, для сообщения всех ваших выводов из ваших поездок, для совещания относительно новых шагов, которые мы предпринимаем. Это безусловно необходимо, иначе мы останемся в следующий серьезный момент без резерва. Пожалуйста, отвечайте мне лично поскорее и не откладывайте, ради бога, поездки ни на недельку. Вы давно собираетесь и все тянете. Я знаю, чем это кончается. Жму руку и жду вас вскоре.

Ваш Н. Ленин.

Письмо это также было получено через Соколовского и так как охранке этот адресат был уже известен, то и это письмо было перлюстрировано и нашлось в копии в деле № 5, часть 67, за 1904 г., особого отдела департамента полиции „Социал-демократы. Переписка по конспиративным адресам, относящимся к гг. Киеву, Одессе, Петербургу“. [1]

Еще ранней осенью я собирался снова поехать за границу, так как болезнь моя приняла угрожающие размеры, письмо же Ленина заставило меня поторопиться, и, приблизительно, в конце ноября месяца (по старому стилю) я прибыл в Женеву. Отчитавшись перед Лениным в проделанной мною, по его заданиям,

[1] Напечатано это письмо впервые в статье „Из литературной переписки с.-д. (большевиков)“ — „Красная летопись“ 1924 г., № 1, стр. 68.

работе, я, по его настоянию, был помещен в Кларан, на берегу Женевского озера. В. И. два раза сюда приезжал навещать меня, оставался здесь по несколько часов. В эти приезды я впервые пробовал рисовать с натуры. Затем, когда здоровье позволило мне вернуться обратно в Женеву, и когда стараниями В. И. и Надежды Константиновны там для меня была найдена комната, я начал рисовать своих друзей по колонии, в том числе и Ленина. Наиболее удачную зарисовку Ленин оставил себе и быть может она и сейчас хранится в его архиве.

Кстати, мне вспоминается следующий курьез из моей тогдашней жизни в Женеве.— Из комнаты, нанятой для меня Лениным, я был выставлен в два счета за то, что я разлегся днем на кровати, и, как потом ни поправлял одеяла, хозяйка все же заметила мою русскую привычку и указала мне на дверь. Мы, русские, вообще не отличались большим уменьем вести себя. Дом, в котором поселялось нас несколько человек, украшался русской надписью на лестнице: „Просят не плевать на пол".

Скоро оправившись окончательно, я возвратился на работу в Россию. Письма же, полученные мной позже от Ленина и Н. К. Крупской, всегда трогали меня своей поразительной внимательностью; они никогда не забывали о моем недуге и после всяких деловых инструкций в каждом письме не забывали хотя бы в двух словах да спросить о моем здоровьи.

Следующую возможность зарисовать Ленина я получил только в 1917 году. Это было приблизительно в мае-июне. Я работал тогда в Василеостровском партийном комитете и проживал на Васильевском острове на 13 линии, д. № 20, кв. 22. В находившемся недалеко от нашего дома помещении Морского корпуса происходил митинг, на котором выступал и В. И. Когда он узнал, что я живу недалеко, он зашел ко мне на дом провести полчаса в ожидании автомобиля. На этот раз мною был сделан с В. И. довольно удачный карандашный набросок, который ему очень понравился. Он забрал его у меня и, положив в портфель, унес с собой.

Таковы те случаи, когда мне удавалось зарисовывать Ленина, и те события, которые способствовали этому.

П. Н. ЛЕПЕШИНСКИЙ

ЛЕНИН И БОЛЬШЕВИСТСКИЕ КАРИКАТУРЫ 1904 года

В разгар фракционной борьбы за границей между большевиками и меньшевиками в 1904 г. не последнюю роль сыграла насмешка как довольно острое, подчас, оружие в борьбе с противником, доводы которого не всегда приходится принимать всерьез. Меньшевики чувствовали себя превосходно в обстановке эмигрантской склоки. Поведя анархическую борьбу с решениями 2-го съезда, они на женевском поле битвы оказались победителями. ЦО партии („Искра“) перешел в их руки. Совет из пяти (верховный орган партии) благодаря прочному большинству засевших там меньшевистских лидеров (Плеханова, Аксельрода и Мартова), стал одним из самых сильных организационных орудий в руках меньшевиков, когда им приходилось делать вид, что они „работают“ не в качестве фракции, оставшейся на съезде в меньшинстве, а в качестве архи-лойяльнейшего партийного правительства. ЦК, сначала имевший большевистский состав, потом, к лету 1904 г. оказался очень потрепанным жандарскими набегами,

и оставшаяся в нем тройка (Б. Носков, Л. Б. Красин и Гальперин) поспешила стать на „примиренческую“ точку зрения, в результате которой ЦК фактически стал новой меньшевистской цитаделью в борьбе с большевиками. Если прибавить к этому, что в меньшевистский лагерь сбежались почти все лучшие литературные силы партии (кроме известной пятерки из старой редакции „Искры“ еще и такие, например, видные литераторы, как Мартынов, Троцкий и Дан) и что около торжествующего меньшевистского гнезда сгруппировалась многотысячная мелкобуржуазная накипь из околачивавшихся в заграничных университетах студентов и студенток российского происхождения, то картина боевой обстановки в рамках „кооптационной“ борьбы, затеянной меньшевиками за границей в целях переделки постановлений 2-го съезда, определивших состав центральных партийных органов, станет совершенно ясной. С одной стороны — диктующие свою волю партии побежденные на съезде, но „победившие“ вне съезда меньшевики, а с другой — небольшая кучка „твердокаменных“, продолжающих еще (вот „чудаки“-то!) отчаянно сопротивляться.

В одном только отношении позиция меньшевиков продолжала оставаться очень слабой: они никак не могли ясно и членораздельно сказать партии, во имя чего они проделали всю эту „победоносную“ кампанию, зачем пошли на срыв решений съезда и что дало им право на производство coup d'état (переворота) в партии. Единственный мотив, который лег в основу многочис-

ленных меньшевистских напевов, долженствовавших выявить „принципиальную“ природу меньшевистской музыки, заключался в упрямом и настойчивом утверждении, что Ленин, мол, якобинец, бонапартист, бланкист, готовый втянуть всю партию в заговорщицкую авантюру и строящий ее в силу этого по ультра-централистскому типу. Но поскольку в эти квалификации „злокачественной“ природы Ленина не укладывалось никакого фактического содержания, постольку от громких фраз Мартова и К° о бонапартизме, нечаевщине и т. д. Ленина за три версты несло атмосферою специфически эмигрантской склоки и повадливости на клеветнические выходки. Поскольку же меньшевики пытались возвести в какой-то особый принцип свою позицию по организационным вопросам, стараясь отмежеваться от старой „Искры“, постольку они обычно договаривались до оппортунизма в этой области.

Но пока меньшевизм не вышел из эмбриональной стадии своего оппортунистического развития, пока он еще проходил этап „организационного оппортунизма“ и „кооптационной“ дрязги из-за местечек в ЦО, ЦК и т. д., до тех пор трудно было углублять чисто принципиальную полемику с меньшевиками в предвидении лишь тех падений со ступеньки на ступеньку, которые угрожают каждой фракции, потерявшей равновесие и выпустившей из рук спасительную веревочку своей классовой идеологии. Владимир Ильич сделал последнюю попытку подвергнуть происхождение раскола на съезде и после-съездовские перипетии борьбы серьез-

нейшему анализу (в своей книге „Шаг вперед — два шага назад“) с тем, чтобы сосредоточить внимание партии, а также и своих внутрипартийных противников на тех моментах всего происшедшего, которые могли бы действительно лечь в основу принципиальной полемики и которые подсказывают некоторые прогнозы относительно возможного расхождения двух линий в будущем.

Но меньшевики не поняли (а, может быть, не хотели понять) единственно серьезной постановки спорных вопросов, сделанной в Ильичевских „Шагах“, и ответили в „Искре“ на выход книжки Ильича статьей Мартова „Вперед или назад“ с подзаголовком: „Вместо надгробного слова“ (приложение к № 67 „Искры“). В статье Мартова очень много „милого“ специфически-мартовского остроумия, но вся она построена на доказательстве той не очень принципиальной мысли, что ленинское пушечное ядро пролетело, дескать, через головы меньшевиков, а сам Ленин отныне политически умер. Смешно было бы брать эту меньшевистскую „отповедь“ всерьез, и Ильич с этих пор теряет всякий аппетит к продолжению дальнейшего разговора со своими дурачливыми противниками. Но зато Мартов и К° становятся отныне добычей большевистской „шпаны“.

Пишущий эти строки как-то однажды пришел в очень веселое настроение по прочтении Мартовского „Надгробного слова“. Его потянуло к карандашу и бумаге, и через четверть часа им была набросана карикатура: „Как мыши кота хоронили“. Окружающие товарищи нашли идею карикатуры настолько удачной, что по-

требовали от автора перерисовать карикатуру литографскими чернилами, чтоб в количестве нескольких тысяч экземпляров пустить ее в обращение среди партийной публики. Сам Ильич, прослышавший о карикатуре, требует ее к себе и реагирует на нее веселым, заливчатым смехом. Мало этого, и он настаивает на том (несмотря на крайнюю застенчивость автора карикатуры, предполагавшего крайнюю переоценку его „талантов“ на этот счет), чтобы она была пущена в широкое обращение, как достойный ответ мартовскому „надгробному слову“.

Таким образом появилась карикатура № 1 (из целой серии последовавших затем многих других карикатур): „Как мыши кота хоронили“ (Назидательная сказка. Сочинил не-Жуковский. Посвящается партийным мышам).

Состоит она из трех частей.

В первой части изображается „повешенный за лапку Мурлыка“ (Ильич), взглядывающий из окна с предостерегающим жестом Плеханов (между „предательскими дверцами“ — „Протоколами съезда“ и „Протоколами Лиги“, этими литературными свидетельствами позорной роли Георгия Валентиновича, переметнувшегося от большевиков к меньшевикам), бойкие мыши на перекладине (Мартов и Аксельрод), отдирающие лапку кота от перекладины, с величайшим любопытством наблюдающий эту работу молодой мышонок (Троцкий), пляшущая от радости на хвосте мурлыки седая мышь (Вера Засулич), испытывающий свои острые зубы над

П. Н. Лепешинский

I. „Как мыши кота хоронили“. Женева. 1904 г.

кончиком мурлыкиного хвоста Дан, сидящая в стороне Димка (Инна Смидович) и храбро потрагивающий лапку „мертвого“ кота А. Н. Потресов. Всюду в мышином подполье стоят пустые бочки из-под диалектики, с надписью: „остерегайтесь подделки“ (намек на смешную претензию Плеханова считать марксистский диалектический метод мышления своей монопольной собственностью).

Текст под этой картинкой гласит следующее: „Один наш лазутчик (коллега кота)[1] нам донес, что Мурлыка повешен. Взбесилося наше подполье. Вот вздумали мы кота погребать, и надгробное слово проворно состряпалось в ЦО. Поэт наш — придворный Клим по прозванию Бешеный Хвост. Сам Онуфрий, премудрая крыса, на свет божий выполз из темной трущобы своей (бочонок из-под диалектики служит жилищем ему) и молвил он нам: „ах глупые мыши! вы, видно, забыли мое vademecum. Я старая крыса, и кошачий нрав мне довольно известен. Смотрите: Мурлыка висит без веревки, и мертвой петли вокруг шеи его я не вижу. Ох, чую, не кончатся эти поминки добром!!!“ Ну, мы посмеялись и начали лапы кота от бревна отдирать, как вдруг — распустилися когти, и на пол хлопнулся кот, как мешок. Мы все по углам разбежались и с ужасом смотрим: „что будет?“

Картина вторая: „труп“ кота лежит на полу.

[1] Намек на члена ЦК Глебова-Носкова, сбежавшего на сторону меньшевиков.

Вокруг него оргия шумного ликования. Плеханов с Троцким, обхвативши друг друга лапками, откалывают канкан под игру Дана в дудку. Мартов с „надгробным словом“ расположился на брюхе у кота.

Текст: „Мурлыка лежит и не дышит. Вот мы принялись, как шальные, — прыгать, скакать и кота тормошить. А премудрая крыса Онуфрий от радости, знать, нализался хмельного питья „диалектики“ так, что сразу забыл про когти Мурлыки и даже про „фразу парадную в ложно-классическом стиле“:[1] облапив мышонка, который хотя и не кончил трех классов гимназии, но к диалектике столь же большое пристрастие имел, как и крыса Онуфрий, и всеми мышами был признан законным наследником крысы, — так вот, облапив мышонка, он и в пляс с ним пустился под дудку „кота в миниатюре“ (изволите видеть — у нас среди „видных“ мышей был тезка[2] кота, чем он очень гордился). Поэт же наш Клим, на мурлыкино пузо взобравшись, начал оттуда читать нам надгробное слово, а мы гомерически — ну, хохотать! И вот что прочел он: „Жил был Мурлыка, рыжая шкурка, усы, как у турка; был же он бешен, на бонапартизме помешан, за что и повешен. Радуйся, наше подполье“.

[1] Это хлесткое замечание было брошено Троцким на II съезде по адресу Плеханова в ответ на его мысль, что еще не оскудела Рос. соц.-дем. партия литературными силами и нечего поэтому бояться за участь редакции. Плеханов затаил обиду и долго не мог простить Троцкому его „дерзости“.

[2] Тезка кота — тоже „Ильич“ (Федор Ильич Дан).

В третьей части, изображающей финал тризны, заслуживает внимания одно маленькое обстоятельство. Если читатель присмотрится к тексту, то, вероятно, заметит, что фраза: „я это предвидел“ выглядит иначе, чем остальной текст. И, действительно, раньше на этом месте стояла другая фраза: „испить бы кефирцу“; она, по замыслу автора, должна была служить не очень тонким намеком на то обстоятельство, что П. Б. Аксельрод имел в Цюрихе кефирное заведение, на доходы с которого жил со своей семьей. Всей нашей братии „намек“ казался очень остроумным, и в поощрительном для автора смехе со стороны окружающих недостатка не было. Один лишь Ильич, весело хохотавший над каждой подробностью карикатуры, вдруг нахмурился, когда его глаза добрались до „кефирного“ остроумия карикатуриста. — „Тов. Олин, — с упреком сказал он, — что же тут политического.“ — И Олин (это мой псевдоним за границей) должен был на заготовленный для литографского тиснения экземпляр налепить полоску бумажки с нацарапанным на ней новым вариантом, на этот раз вполне удовлетворившим Ильича, хорошо знавшего манеру Аксельрода очень часто ни к селу ни к городу хвастаться своей проницательностью. Этот маленький эпизод очень хорошо иллюстрирует отношение Ильича к полемике. Сам он, как бы ни был резок в своем полемическом увлечении, никогда не опускался до лишенных политического смысла личных выпадов против своего антагониста. У него всякое подвернувшееся под перо нелюбезное словцо всегда

П. Н. Лепешинский

II. „Как мыши кота хоронили“. Женева, 1904 г.

служило выражением глубоко продуманного принципиального взгляда на отрицательную складку мысли или позицию своего идейного противника (вспомним, например, его штемпеля: „социал-предатель Каутский“, „хвостисты-рабочедельцы“ и т. д.).

Текст: „Но только успел он последнее слово промолвить, как вдруг наш покойник очнулся. Мы — брысь врассыпную... Куда ты! Пошла тут ужасная травля. Тот бойкий мышонок, что с крысою старой откалывал вместе канкан — домой без хвоста воротился. Несчастная ж крыса Онуфрий, забыв о предательских дверцах, свой хвост прищемил и повис над бочонком, в котором обычно приют безопасный себе находил он, лишь только ему приходилось крутенько. Его ж закадычный приятель — друг с детства — успел прошептать лишь: „Я это предвидел“ и тут же свой дух испустил. А „кот в миниатюре“ с беднягой-поэтом — прежде других всех достались Мурлыке на завтрак. Так кончился пир наш бедою“.

Карикатура произвела впечатление. Некоторые негодовали, некоторые выражали свое отменное удовольствие. Мне кажется, что чаще улыбались, чем хмуро сдвигали брови. А встревоженная за своего Жоржа добрейшая Роза Марковна[1] снизошла до объяснения со мной возле нашего „вертепа“ (дом, населенный большевиками — на набережной Арвы). Я помню ее искреннее возмущение:

[1] Р. М. Боград-Плеханова, жена Г. В.

— Это что-то невиданное и неслыханное ни в одной уважающей себя соц.-демократической партии. Ведь подумать только, что мой Жорж и Вера Ивановна изображены седыми крысами... У Жоржа было много врагов, но до такой наглости еще никто не доходил... Что скажет о нас Бебель, что скажет о нас Каутский?

— Что же тут особенно чудовищного... — с улыбкой возражаю я, — Георгий Валентинович и сам большой любитель карикатурно изображать своих политических противников... Это, пожалуй, даже самый безобидный полемический прием...

— Ах, нет, нет, вы мне этого не говорите... и передайте, пожалуйста, вашему карикатуристу... и т. д.

Что же касается самого Плеханова, то он, конечно, как очень умный человек не показывал и виду, что эти карикатурные шпильки причиняют некоторые уколы его самолюбию.

Следующая карикатура того же автора изображает меньшевистский участок: в кресле сидит сам частный пристав (Плеханов) и спешит закрыть своей пятерней „весьма секретный документ“ — протоколы Совета (намек на постановление Совета о неопубликовании его протоколов, вопреки требованию Ленина). Его помощник (Мартов), по случаю претензии большевистской „шпаны“ (среди которой в свое время нетрудно было узнать подающего заявление М. Н. Лядова, далее — Олина, Самсонова — Вольского, С. И.

Гусева, В. Д. Бонч-Бруевича), спешит навести справку, кто, согласно § 1, может считаться членом организации. Секретарь (Блюменфельд) требует от просителей предъявления „пачпортов“ (удостоверений о том, что они члены партии); подпасок с великолепной шевелюрой (Троцкий) хватается за телефонную трубку, а еще один персонаж, „некто в штатском“ (с лицом Дана), внимательно изучает на всякий случай физиономии просителей. Со стены смотрят портреты „священных особ“ — Засулич и Аксельрода. Шкаф битком набит полицейскими делами, из которых каждое своим заголовком говорит о каком-нибудь жарком эпизоде фракционной борьбы. Вся карикатура в целом отображает эпопею борьбы женевских большевиков за право пользоваться страницами „Искры“ для помещения своих писем, объяснений и статей. Отказ в редакции поместить в „Искре“ письмо Ленина: „Почему я вышел из редакции“, а впоследствии и письмо Рядового (Богданова) под тем предлогом, что редакция не имеет ясных доказательств того, что он является членом партии, а удостоверения Ленина для нее на этот счет недостаточно, и т. д. — все это очень волновало нашу большевистскую братию.

Кличка „тамбовский дворянин“ не без удовольствия была подхвачена большевистской „шпаной“, и даже по этому поводу в участковом шкафу на первом месте стоит „Дело о допросе с пристрастием тамбовского дворянина“.

П. Н. Лепешинский

III. „Как мыши кота хоронили“. Женева, 1904 г.

Карикатура „Сизифова работа“ изображает меньшевистское „болото“ и его болотных обитателей, причем Плеханов, прикрывающий свою наготу только небольшим фиговым листком с надпись „диалектика“, — совершает бесцельный труд вытаскивания за уши Мартова, совершенно засосанного болотной тиной... [1]

Карикатура „Вперед, за мной, уважаемые...“ и т. д. относится к тому моменту, когда член ЦК — Б. Н. Носков — переметнулся в качестве „примиренца“ к меньшевикам. Его предательское поведение по отношению к Ильичу и иезуитский метод борьбы со своими вчерашними союзниками подсказали Олину мотив для этой карикатуры. В иезуитской сутане несчастный „примиренец“ (с лицом не совсем человеческим, но сохранившим, к величайшему удовольствию художника, большое сходство с оригиналом) зовет меньшевистскую банду (Плеханова, Мартова, Аксельрода, Дана, Троцкого и Засулич) для нападения врасплох на спящую партию. „Мутная Арва“ (река в

---

[1] Рассказывают, что Плеханов благодушно посмеивался над этой карикатурой, будучи доволен, что Ленин, с улыбкою издали следящий за его сизифовой работой, по сравнению с ним изображен маленьким человеком; он находил при этом, что его повешенные на кустик штаны так малы, что непременно лопнут, если он начнет их натягивать на свои ноги.

Сизиф — Плеханов; Властитель дум — Мартынов; рак — П. Аксельрод; стрекоза — Троцкий; жаба — Старовер; змея—Дан; наверху справа — Ленин.

П. Н. Лепешинский

„Мальчик в штанах и мальчик без штанов“. Женева, 1905 г.

Женеве, на берегу которой жили своей колонией большевики) — было красным словцом, фигурировавшим в какой-то меньшевистской полемике. Пацифистский лозунг „примиренца“ изображен на знамени в виде сюртука, что должно служить намеком на Сюртука (псевдоним тов. В. Коппа), которого Носков оставил после себя в качестве уполномоченного от ЦК для наблюдения за Лениным и ликвидации большевистской техники за границей — типографии, экспедиции и т. д.

Дополнением к этой карикатуре является другая карикатура, в которой Носков предлагает струсившим и изменившим Ленину типографским рабочим (изображенным в виде стада разнообразных животных) признать своим хозяином сюртук („Сюртук“ — Копп), имеющий форму огородного пугала. Слова „кампинтентен“, „консперативное“ и т. д. карикатурно изображают небрежную орфографию Носкова в его письмах.

Из нескольких неизданных в свое время других моих карикатур на меньшевиков („Георгий Непобедоносец“, „Мартов и его тень“ и т. д.) заслуживает еще внимания карикатура, изображающая по Щедрину мальчика в штанах и мальчика без штанов. У Щедрина, как известно, русский мальчик без штанов постоянно шокирует своими не очень парламентскими выражениями и недостаточно пристойным жестом („на-тко, выкуси“) немецкого мальчика в штанах.

Карикатура с двумя мальчиками отображает тот момент, когда меньшевики, забегая с заднего крыльца к лидерам немецкой социал-демократии, все время (и часто не без успеха) старались втянуть их в качестве судей во фракционную борьбу русских социал-демократов. Большевики отклоняли от себя эту честь, потому что немецкие социал-демократы, совершенно незнакомые ни с обстоятельствами дела, ни с партийной литературой, ни с подлинными настроениями рабочих масс, а это самое главное, должны были бы судить, опираясь более на свои предвзятые симпатии и доверие к своим старым знакомцам — Плеханову и Аксельроду, чем на показания мало знакомого им Ленина. Желая как-нибудь сорвать созыв III съезда, меньшевики спровоцировали Бебеля выступить со своим предложением в роли третейского судьи между сторонами. Очень хорошо понимая, что доброе намерение наивного Бебеля ни к чему не приведет, Ленин „вежливенько“ отклонил его предложение, дав понять, что вмешательство товарищей-иностранцев в распрю русских фракций, еще не договорившихся до принципиальных расхождений в коренных вопросах тактики или программы, следует считать преждевременным.

Владимир Ильич от души хохотал над этой карикатурой.

РЕЖИССЕРЫ И ОПЕРАТОРЫ

Г. М. БОЛТЯНСКИЙ

ВОКРУГ КИНО-СЪЕМОК В. И. ЛЕНИНА

(Штрихи воспоминаний)

Как беспрерывному руководителю кино-хроники, начиная с Февральской революции 1917 года, как активному участнику обеих революций — Февральской и Октябрьской и члену Петроградского совета тех периодов, мне приходилось и встречаться с В. И. Лениным, организовывать и руководить многими съемками, где был заснят Владимир Ильич. Не говоря уже о кино- и фото-съемках, почти все моменты моих встреч, те или иные штрихи, связанные с В. И. Лениным, почти полностью имеют отношение к кино.

Апрель 1917 года. Первая встреча с В. И. Лениным. Мне не приходилось видеть его до того времени. Это было в знаменательный день возвращения Ленина в Россию из эмиграции. Море голов на Финляндском вокзале в Петрограде. Все трепетно ждут прихода поезда. Среди ожидающих я с оператором Скобелевского комитета Модзалевским и кино-аппаратом. Это была первая на-

мечавшаяся мною кино-съемка Ленина, на которую я возлагал столько надежд.

Но поезд из Финляндии запаздывает. Время томительно тянется. Вечереет. Становится совершенно очевидным, что нам не удастся заснять первый момент вступления Ленина на почву новой, освобожденной от царизма, России. Совсем стемнело. Опечаленный, я, тем не менее, не ухожу, ни на что уже не надеясь, но не будучи в силах превозмочь желание увидеть вождя. Поезд подошел. Легко и радостно вышел Ленин. Все ожидающие бросились к вагону. Я успел увидеть только бодрую фигуру, радостное приветствие друзей и ближайших товарищей, увидеть цветы, услышать гул на площади. Ленин прошел, кажется, в бывшие царские комнаты. Я вышел на площадь у Финляндского вокзала, где были рабочие со стягом, какая-то воинская часть. Вернулась досада, что не удалось снять. Я не мог больше оставаться и уехал.

Через несколько дней, повинуясь тому же стремлению устроить кино-съемку Владимира Ильича, я подошел к комнате большевистской фракции Петроградского совета в Таврическом дворце. Было десять или одиннадцать часов утра. Я узнал, что Ленин пришел. Кажется, это было в день знаменитого первого ленинского выступления в Петроградском совете, после его приезда. Накануне поздно, почти на заре, кончилось заседание Совета. Я, как и другие депутаты, остался ночевать тут же, в Таврическом дворце, на депутат-

Г. М. Болтянский

ЛЕНИН и В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ в Кремле в октябре 1918 года.

ских скамьях, подперев голову кулаком. Подойдя к комнате большевистской фракции, я нерешительно остановился. С кем говорить, как просить Ильича о съемке. Из открытой двери слышны голоса. Вот голос Ленина, такой простой и входящий в душу. Смутно помнится, что разговор его был с киевской большевичкой. Ленин говорил о том, что она была права по поводу предательства Малиновского. Я думал о своем, но зайти просить его о съемке боялся. Я знал, что он избегал съемки, не было решимости настаивать, да и время было тяжелое, опасное, никто не знал будущего. Я покорился необходимости. А теперь жаль. Помню в тот же день заседание Петроградского совета и напряженное внимание во время речи Ленина, особенно депутатов солдат Петроградского гарнизона.

Был еще соблазн и желание снять Ленина говорящим с балкона бывшего дворца Кшесинской, в то время являвшегося штабом ЦК большевиков. Но мысль о том же, о нежелательности съемки для Ильича, как мне говорили, опасения за него, не давали мне решительно действовать. Внутренний голос, однако, говорил мне, что пропуск съемки в это время — непоправимая оплошность. Был внутри помещения дворца, по своей боевой атмосфере напоминавшего Смольный Октябрьских дней 1917 года. Беседовал. Но снял только здание с развевающимся флагом ЦК большевиков. Мне сообщили в последние годы, что фирме А. О. Дранкова удалось заснять Ильича говорящим с балкона дворца. Верно ли

это, не знаю, мне никогда не приходилось видеть такой кино-съемки.

Январь 1918 года. Открытие Учредительного собрания — последней надежды сшибленных огнем Октября соглашателей. Мы снимаем на кино-ленту ряд моментов: комиссара Учредительного собрания т. Урицкого, Тукумский полк латышских пулеметчиков, группы прибывающих депутатов, пулемет во втором этаже Таврического дворца, в комнате левых эсеров. Открывается Учредительное собрание. При отсутствии „Юпитеров“, но при помощи стеклянного потолка в депутатском зале дворца мы снимаем открытие Учредительного собрания, речь председателя ВЦИКа т. Свердлова, речь Чернова. Ленин, как известно, присутствовал на этом историческом заседании, находясь позади президиума в ложе. Имеется кино-съемка общего вида зала и трибуны, но находящихся позади в ней нельзя различить. Об отдельной съемке Владимира Ильича в это время нечего было и думать.

Март 1918 года. Будучи в Москве, я получил записку от Карахана о необходимости отправить несколько фильм в Америку с уезжающим туда товарищем. Сейчас точно не помню как, но это было связано с указанием Владимира Ильича и его письмом по этому поводу, очевидно адресованным в Наркоминдел. В делах у меня сохранилась по этому поводу копия телеграммы из Петрограда от марта 1918 года:

„Срочная, Москва, Скобелевский комитет, копия Совдеп. Преображенскому. Согласно письма Ленина требования комиссариата иностранных дел необходимо срочно отпечатать течение недели для Америки пять экземпляров позитива без надписей „царя Николая“ [1] *и десять экземпляров Октябрьского переворота“.*

Самой яркой из непосредственных встреч с В. И. Лениным, в связи с работой кино, была у меня 27 октября 1920 г. на просмотре в Кремле (в Свердловском зале) кино-картины, изображавшей торфодобывание на Шатурке (машинно-формовочный способ) и в Богородске (гидравлический способ). Кроме меня на просмотре присутствовали от кино-комитета Наркомпроса его председатель Д. И. Лещенко, кино-оператор этих картин Ю. А. Желябужский. Демонстрация происходила все время при оживленных репликах Ильича. На просмотре присутствовали также цуторфовцы (Морозов, Радченко), гидроторфовцы (Классон, Богомолов), а также тт. Енукидзе, Сосновский, Бонч-Бруевич, Максим Горький, Лутовинов, Шатуновский, М. Ф. Андреева и др. После демонстрации тут же, в зале, произошла оживленная беседа и спор о значении гидравлического способа добывания торфа. Владимир Ильич слушал Классона, прерывал репликами, шутил,

[1] Т. е. изданного Скобелевским комитетом фильма „Царь Николай II“, характеризующего свергнутый царизм.

выслушивал едкие замечания цуторфовцев. Ссылками на документальные моменты из съемок в ленте Классон и Богомолов опровергли возражения цуторфовцев, и эта демонстрация фильма имела не только практические последствия, выразившиеся в известных уже подробностях и опубликованном в моей книжке письме В. И. Ленина от 28 октября 1920 года с рядом практических предложений, [1] но и несомненно сыграла громадную роль в деле укрепления Владимира Ильича в его мнении о значении роли кино.

При мне как руководителе кино-производства и кинохроники производилось четыре наиболее интересных кино-съемки В. И. Ленина при жизни. Из них одна, наиболее ранняя, была произведена в Петрограде 13 марта 1919 года. Это было на похоронах наркома путей сообщения т. Елизарова. Съемки производились Н. Ф. Григором. Это только эпизод. Ленин с опущенной головой идет в процессии, сопровождающей гроб. Больше его не удалось снять в этот раз. Осенью 1920 года во время моего нахождения уже в Москве в качестве заведующего хроникой ВФКО — В. И. Ленина удалось заснять в Октябрьскую годовщину на Красной площади (оператор П. К. Новицкий). Весною 1921 года на десятом партсъезде Ленин был нами заснят во время его речи в Свердловском зале Кремля (оператор Г. В. Гибер). В том же году летом на Третьем

[1] См. мою книжку „Ленин и кино“, Гиз, 1925 г., стр. 22 — 28.

Конгрессе Коминтерна нам с большим трудом удалось произвести чрезвычайно ценную съемку Владимира Ильича, сидящим внизу на ступеньках возвышения для президиума, в Андреевском зале Большого дворца в Кремле, среди торчащих „Юпитеров“ и кабеля, слушающим ораторов и записывающим их речи (оператор Г. В. Гибер). Приходилось еще принимать участие в организации съемки В. И. Ленина на Четвертом Конгрессе Коминтерна (руководитель Д. И. Лещенко, оператор Н. Ф. Козловский) в ноябре 1922 года. Больше снимать Ильича не удалось.

Следует еще упомянуть о происходившей съемке Владимира Ильича на Прохоровской мануфактуре в декабре 1920 года в годовщину декабрьского восстания 1905 года (оператор Гибер). Но на этой съемке я не был и фильма такого не помню. Возможно, что она снималась не ВФКО, где я работал, а фото-кино-секцией Московского совета.

Из всех этих съемок следует особо упомянуть только о съемке на Третьем Конгрессе Коминтерна. Конгресс снимался довольно полно нами совместно с Петроградским кино-комитетом. Но во время речи Ленина нам категорически было запрещено зажигать лампы („Юпитера“) и производить съемку В. И. Ленина. Пришлось бездействовать. Но вот Владимир Ильич, чтобы лучше слышать ораторов и отвечать им, уселся на ступеньки трибуны, вынул записную книжку

и карандаш, и, держа карандаш около лица и играя им, то поднимая, то опуская голову, — слушает и записывает. Вокруг него арсенал наших орудий кино-съемки — паутина кабеля, торчащие „Юпитера“. Это единственный случай, когда Ильич и вообще кто-нибудь из наших вождей находился в таком антураже и на фоне производственной обстановки кино.

Оператор Гибер взглянул на меня многозначительно, но нерешительно. Я обвел глазами вокруг. Никто не обращал на нас внимания. Говорить вслух было невозможно. Я объяснил ему знаками и кивками головы, чтобы он сделал попытку съемки, предварительно направив аппарат для съемки зала (делегатов). Самая большая трудность заключалась в том, чтобы не привлечь ничьего внимания съемкою без искусственного света, не зажигая „Юпитеров“. Был солнечный день, много света в зале. При медленном верчении ручки, мультипликаторная съемка могда дать надежду на удачу.

Мы рискнули. Гибер направил аппарат на зал и сделал очень сосредоточенный вид, производя съемку как ни в чем не бывало. Но постепенно он стал поворачивать ручки аппарата и опускать вертикальную платформу для наклона аппарата и получения соответствующего угла. Не глядя на Ильича, почти без проверки фокуса и направления, Гибер произвел таким образом съемку В. И. Ленина на 9-10 метров. Формально мы чувствовали себя преступниками, так как нарушили данное распоряжение не снимать, но в душе мы чувствовали, что сделали важное, нужное и полез-

ное дело. Драгоценная пленка была проявлена, отпечатан позитив, и мы увидели вскоре на экране, что съемка при условиях отсутствия света и всей обстановки в общем удалась. Несколько темно, порывистые, не совсем нормальные движения Ильича, как обычно при мультипликации, но какой интересный, психологически ценный для характеристики Ильича кино-документ. Это была, в самом подлинном смысле этого слова, съемка врасплох. Это один из самых выдающихся и важных для изучения внешности Ленина киноснимков.

Обычно Ильич, что очень важно для характеристики его облика, снимался во время произнесения речей, большею частью также непринужденно. Другие моменты съемок (прогулка в Кремле, беседы на Красной площади, у Дворца Урицкого в Петрограде), поскольку присутствие аппарата, съемка и обращение оператора к присутствующим нарушали непосредственность, вносили, как всегда, когда знают о съемке, что-то официальное. Описываемая же здесь съемка глубоко психологична, рисует Ильича одного, изолированно, в процессе мышления и наблюдения. Эта съемка, которая могла бы быть еще и сейчас технически улучшена, находится в Институте Ленина. Все остальные съемки, произведенные при мне, ничем не отличаются от других.

Съемка Новицкого (Октябрьская годовщина 1920 года) была очень удачной, характеризуя Ленина-оратора. Не совсем удалась съемка Гибером В. И. Ленина во время

его речи на десятом партсъезде. Широкая публика и даже многие кино-работники не знают этой съемки, которая лежит где-то в архивах Госкино. Дело в том, что и пленка в то время была неважная, да и самая съемка в маленьком Свердловском зале, при невозможности пустить в ход более двух-трех „Юпитеров“, вышла неудачной, серой, со слабой реакцией чувствительности пленки. Однако, и эта съемка не должна сейчас считаться браком, тем более, что ее можно усилить.

Рядом и параллельно с кино-съемками мы всегда снимали и фото. Лучшие фото-работники Москвы работали в мою бытность в ВФКО. Из всех снимков Ленина, снимавшихся при мне в это время, самым ценным, несомненно, является снимок покойного А. И. Савельева. Это съемка Владимира Ильича во время его речи на Третьем Конгрессе Коминтерна. Глубоко культурный человек и большой мастер А. И. Савельев беспрерывно дежурил вместе с нами во все время фото- и кино-съемок на Конгрессе, держа наготове фото-аппарат и стараясь уловить подходящий момент. Он снимал немного, но то, что снимал, было всегда прекрасно.

Отмеченный мною снимок представляет собою с точки зрения композиции, рисунка, светописи, расположения, схваченного момента и захваченного антуража, фотографический шедевр, который может спорить с картинами крупных живописцев, представляя, однако, несравненное превосходство перед живописью

своей документальностью. Чем больше смотришь на этот снимок, тем более видишь, как продумана мастером каждая зафиксированная деталь, каждый штрих. Простор и воздух над трибуной и президиумом, оригинально захваченный филигранный рисунок части свода Андреевского зала и боковой стены с пальмами и столом президиума позади (третий план), слушающие речь Владимира Ильича делегаты съезда на первом плане. Они обращены к нам спиной, но фотография хорошо передает в рисунке спин и голов сосредоточенное внимание делегатов в направлении к единому центру — говорящему Ленину. Говорящий Ленин на втором плане. Фигура его мельче, но ее не заслоняет первый план в этой композиции. Наоборот, все остальное остается четким, единым и цельным, крепким фоном, расшифровкой Ленина-оратора, Ленина-вождя. И сам Ленин схвачен в кульминационный момент его речи в изломе фигуры, характеризующей бодрость, силу, волю вождя, веру в дело его жизни. Прекрасный, многоговорящий снимок, который не заменят страницы словесных описаний и литературные характеристики.

Еще один фото-снимок. Я его добыл случайно. Фотолюбитель провинциал, Волоколамского уезда, не упустил случай пребывания В. И. Ленина в деревне Кашино Волоколамского уезда Московской губернии на открытии электрической станции в деревне. Ленин, провозгласивший лозунг: „Коммунизм — это советская власть

плюс электрификация“, когда электрификация еще делала только первые шаги, зажигая „лампочку Ильича“ в деревне, не мог не откликнуться на приглашение посетить открытие станции в деревне.

Путь Ильича и его пребывание среди крестьян только-что электрифицированной деревни остался бы безызвестным, не зафиксированным (так как профессионалы фото-кино-работники не знали об этом), если бы волоколамский любитель не оставил нам этот единственный важный документ на тему: „Ленин, крестьянство и электрификация“. Этот фото-любитель, долго хранивший эти негативы, однажды приехал в Москву за фото-материалами, в которых он нуждался. Сообщил мне в разговоре о своей съемке. Я уговорил его привезти и сдать этот негатив в ВФКО и предложил ему взамен необходимое количество фотопластинок и бумаги. Сейчас этот негатив находится в Музее Ленина.

Ленин болен. Я в заседании Совета труда и обороны в Кремле произвожу съемку для своей картины. „Кремль в прошлом и настоящем“. Пустующее кресло больного председателя СТО. Я разговариваю с Горбуновым и Фотиевой. Хотел бы снять кабинет В. И. Ленина в Кремле для картины. Отказ под разными предлогами. „Нет, нельзя, не сейчас.“

Я иду на хитрость. Удастся ли снять в другой раз — вопрос. Я по опыту знаю, что раз я уже здесь, в двух шагах, надо добиться. Ведь так трудно получить разрешение на съемку. От нас отмахиваются, мы

мешаем, нашей работы и ее значения не понимают, не совсем усваивают еще. Я прошу разрешения осмотреть кабинет, чтобы ориентироваться в будущий раз для съемки. Фотиева берет ключ, идет, отпирает кабинет. Следом за мной идет оператор П. В. Ермолов. Он понимает без слов или, не поняв еще в чем дело, захватывает и свой неразлучный аппарат. Мы вошли. Фотиева объясняет. Вот стол, библиотечный шкаф, здесь сидят посетители, вот предметы, недавно подаренные Ильичу, вот простой соломенный стул, на котором всегда сидит Владимир Ильич.

Я опять настаиваю на съемке:

„Ведь это несколько минут".

Фотиева колеблется, а осветитель Кузнецов тем временем уже подвел кабель, и ярко вспыхнули два „Юпитера". Поздно. Мы уже снимаем. Теперь можно быть спокойным. Уже никто не мешает, и мы детально, любовно снимаем все уголки, все детали комнаты, вид во двор Кремля.

Последние кино-съемки Ильича. Уже не живого, а ушедшего на вечный покой. Я — ответственный руководитель всех кино-съемок похорон. Первая экспедиция отправляется в Горки заснять умершего Ильича, Горки, отправление процессии в Москву. Все операторы Москвы и Ленинграда участвовали в этих съемках. И каждому особенно хотелось по-своему заснять почившего Ильича. Трудно сказать, кто именно в той коллективной работе, сгруппировавшей всех нас, кино-работников, в постигшей страну скорби, снял тот или иной кино-портрет умершего Ильича.

Многих из них мы так и не увидели, так как полностью вся лента (около 7000 метров) не была никогда отпечатана. Но среди виденных мною портретов умершего Ильича запечатлелось несколько. Снимки Добржанского, Левицкого, Разумного, Гибера и, кажется, Тиссэ. Прекрасен первый портрет Ильича на постели в Горках, снимки Ильича в гробу в Доме союзов. Один — на фоне бесконечно проходящих процессий; другой — на фоне стоящих у гроба членов ЦК партии и правительства; третий — на фоне скорбной группы — Н. К. Крупской, сестер Владимира Ильича и его племянников. Еще — неподвижный, скорбный Буденый в почетном карауле у открытого гроба. Еще и еще.

И с горечью думалось о том, что тогда, в те скорбные часы, никто не мешал снимать. А сколько упущено и не дано было заснять живого Ильича во всем многообразии обстановки и его работы так, чтобы мы могли с волнением смотреть во всей полноте ленту подлинного, живого, вечно воскресающего перед нами в кино — Ильича.

В. Р. ГАРДИН

ЛЕНИН НА СЪЕМКЕ КАРТИНЫ „96“

В 1919 году фото-кино-комитет решил произвести съемку картины „96“ по сценарию В. Ф. Ахрамовича. Режиссура этой картины была поручена мне. Центральным местом этой картины, которая была посвящена Всеобучу („96“ — 96 часов обучения на Всеобуче), был тот момент, когда герой фильма, которого играл артист Морозов, вдохновляется речью Ленина о Всеобуче и идет добровольцем на войну.

Для этого нам необходимо было снять Владимира Ильича говорящим речь на Красной площади, причем самым трудным представлялось снять на одном кадре с Владимиром Ильичем артиста Морозова, согласно его роли, слушающего Ленина, первым планом.

Первого мая, ранним утром, вместе с оператором А. А. Левицким и актерским составом мы отправились на Красную площадь, куда должен был приехать Ленин. Владимир Ильич не заставил себя долго ждать, и вскоре мы увидели его бледное лицо. Ленин только-что оправился после покушения. До начала митинга мне удалось подойти к Владимиру Ильичу и объяснить

А. А. Левицкий
Москва, Красная площадь, 1919 г.

ему план использования праздника для картины, к чему Владимир Ильич отнесся весьма предупредительно.

Вначале мимо Владимира Ильича долгое время проходили процессии. Владимир Ильич сидел все время во время митинга на грузовике и ждал своей очереди. Здесь т. Левицкому удалось сделать прекрасный снимок с Владимира Ильича на фоне всей Красной площади.

Но вот, наконец, подошел основной момент нашей съемки, когда Владимир Ильич, сойдя с грузовика, направился к мемориальной доске. Мы сразу уловили возможность заснять рядом с ним Морозова, но тут произошла небольшая заминка. Дело в том, что Морозов был в это время на некотором расстоянии. Чтоб не пропустить момента он бросился бегом. Картина, когда Морозов, загримированный, с винтовкой за плечами, без шапки, с обнаженной грудью бежал издали, чтобы приблизиться к Ленину, — не могла не удивить Владимира Ильича. Артист Карин, стоявший уже рядом, успел крикнуть: „Владимир Ильич, нас снимают“ — что сделало сразу всю эту сцену понятной, а оператор Левицкий успел уже заснять на ленту В. И. Ленина, стоявшего рядом с ним Склянского и артистов Карина и Морозова.

Кроме этого основного кадра, т. Левицкому удалось снять еще ряд прекрасных моментов, которые также были введены в картину „96“. Припоминаю кадры Ленина, стоящего на грузовике и приветствовавшего манифестации; кадр сходящего с грузовика

Ленина, снятого с затылка и с профиля; момент слушания Лениным речи венгерского коммуниста Тибора Самуэли...

Параллельно т. Левицкому удалось сделать на площади несколько фотографических снимков, которые, несомненно, являются ценнейшими документами в иконографическом наследии Ленина.

В. ЯКОВЛЕВ

В. И. ЛЕНИН И КИНО-СЪЕМКИ

Поздней апрельской ночью, в 1917 году, группа кино-операторов встречала В. И. Ленина на Финляндском вокзале в первый день его приезда. Нужно было заснять В. И. Ленина для экрана, но в тот раз Ильич не дал своего согласия.

В последующие дни несколько раз обращались к В. И. Ленину, когда он находился во дворце Кшесинской, с просьбой разрешить снять его для кино, но и здесь со стороны Ильича давался постоянный отпор.

Однажды, показывая рукой на собравшихся перед дворцом рабочих и крестьян, он сказал оператору: „Снимайте вот их! Они делают историю!“ — И, запросто попрощавшись, вышел на балкон, чтобы поговорить с собравшимися.

О заснятии В. И. Ленина в бурные Октябрьские дни, во время переезда Совнаркома в Москву, нечего было и думать. И только в 1920 году, во время открытия Второго Конгресса Коммунистического Интернационала, В. И. Ленин разрешил запечатлеть себя на пленке.

Немедленно во Дворец Урицкого были доставлены съемочные аппараты. Все было готово к съемке. В несколько минут удалось запечатлеть Ильича, произносившего речь на Конгрессе.

Прошло несколько минут, и вдруг в зале раздался страшный взрыв. Сидящие в зале остолбенели, кто-то вскрикнул нечеловеческим голосом.

Оказалось, что по неосторожности монтера упал аппарат, и взорвались электрические лампочки.

Владимир Ильич спокойно продолжал стоять на трибуне и так же спокойно, как всегда, с обычной улыбкой на губах, произносил речь.

1921-й год. Заседание Третьего Конгресса Коминтерна. Главной задачей кино-операторов и на этот раз — было запечатлеть В. И. Ленина на кинематографической пленке.

Говорил т. Радек о польском вопросе. Один из операторов присел сзади трибуны на ступеньках и после бессонной ночи немного вздремнул. Проснувшись, он увидел себя окруженным членами съезда.

Другой оператор возился с аппаратом и, повидимому, старался снять то место, где сидел проснувшийся.

Изумленный оператор оглянулся. В то же время он почувствовал, что кто-то касается его спины. Это был Владимир Ильич, что-то записывавший в свою записную книжку.

Через час В. И. Ленин уже стоял на трибуне, владея аудиторией.

В следующем году, в конце ноября месяца, севзапкиновской экспедиции пришлось встретиться с В. И. Лениным на очередном Конгрессе Коминтерна. Ильич тогда только-что оправился после тяжкой болезни, и его не разрешено было снимать, но, когда заседание Конгресса закончилось, операторы остались ждать у Кремля в надежде увидеть Владимира Ильича и испросить у него разрешения на съемку. И действительно, вскоре на пороге появился Владимир Ильич, в плохом зимнем пальтишке с каракулевым воротником, из которого лезла вата.

„А-а, питерцы, здравствуйте! — обратился он к съемщикам. — Что, опять приехали снимать меня? Не дам".

Операторы попросили разрешения у Владимира Ильича снять его в другой, более спокойной обстановке, так как в фотографиях Ленина нуждалась вся Советская Россия.

„Что ж, пожалуй, приходите ко мне на квартиру!" — отвечал Ильич.

В назначенный день операторы пришли в Кремль к В. И. Ленину, но видеть его на этот раз не удалось. Мария Ильинична сообщила, что он нездоров и при всем желании принять не может.

Больше Владимира Ильича мы уже не видели.

ФОТОГРАФЫ

Д. И. ЛЕЩЕНКО

МОЯ СЪЕМКА ЛЕНИНА В ПОДПОЛЬЕ

После июльских дней 1917 года черносотенная керенщина неистовствовала: обыски, аресты, избиения, убийства стали обычным явлением. По улицам были расклеены наскоро напечатанные на машинке листки самого гнусного содержания, доказывавшие, что Ленин и все большевики — немецкие шпионы, купленные Германией за большие деньги. Эти листки были за подписью Алексинского. Прокуратура, юнкера, полиция, солдаты наводили „порядок“ по всему городу.

При таких условиях известие о том, что Владимира Ильича нет в Петербурге, внесло большое успокоение в ряды большевиков. Но где находился Владимир Ильич — этого никто не знал.

Надежда Константиновна Крупская все время оставалась в городе, продолжала работать в культурно-просветительной комиссии Выборгского района и внешне сохраняла полное спокойствие. И только по печатавшимся по ночам на машинке статьям для „Правды“ с рукописей, написанных на папиросной бумаге, можно было нам немногим, близко к ней стоявшим, догады-

ваться, что она находится в самом близком контакте с Владимиром Ильичем.

В то время я жил на Петербургской стороне, на Лахтинской, в двух шагах от квартиры Ленина на Широкой улице. В моей квартире жил в небольшой комнате тов. Луначарский.

Ко мне обратился, не помню, кто-то из товарищей с просьбой дать фотографический аппарат для съемки Владимира Ильича, которому нужна была карточка для удостоверения. Снимать должна была одна из наших партийных товарищей, которая, однако, понятия не имела о фотографии. Насколько мог, я объяснил ей все простые манипуляции и дал заряженный аппарат. Числа около 10 июля (по старому стилю), точно не помню, прислали мне сверток с „домашними вещами", которые этот товарищ должен был передать Владимиру Ильичу. Условились, что она зайдет за ними на следующий день, часов в 11 утра.

В ту же ночь поздно, часов около трех, в мою спальню вошли, стуча каблуками, какие-то люди с криком: „Кто здесь есть?" — Я наскоро оделся. Оказывается, в квартире обыск. Обыскивают главным образом комнату тов. Луначарского: прокурор, „милиция", у каждой двери по солдату с ружьем. К Луначарскому меня не пустили. В передней среди хлама нашли несколько десятков ученических географических карт. Как на зло оказалась... Германия. — Дело в том, что я когда-то преподавал в частном реальном училище Чернодаева географию, и эти детские карты у меня

остались. — Несмотря на мои разъяснения, их забрали и отметили в протоколе...

У тов. Луначарского взяли много книг, рукописей и т. д., а сам он был арестован и увезен в „Кресты".

Во время обыска, который продолжался часа три, я вспомнил, что на диване в моем кабинете лежит сверток с „домашними вещами" для Владимира Ильича, за которым на другой день должны притти. Что было в свертке, я, конечно, не знал. А так как уверенности никакой не было, чтобы предохранить сверток от „досмотра" я просто на него сел и просидел, не двигаясь, в течение всего обыска.

Когда, наконец, гости ушли и увели с собой т. Луначарского, я решил все же посмотреть, что за „домашние вещи" я так оберегал. Развернул и, к своему удивлению, увидел, что сверток состоял из целой кучи различных... париков, которые предназначались для Владимира Ильича при фотографировании, чтобы его нельзя было узнать на карточке ...

Когда на другой день за свертком пришла товарищ, которая должна была ехать снимать Владимира Ильича, я ей рассказал об аресте т. Луначарского и о свертке „домашних вещей". Я помню, на нее это подействовало, и она, кажется, решила не ездить в этот день к Ленину.

Что происходило со съемкой дальше, мне неизвестно. Только аппарат был возвращен, и снимок не удался.

Несколько позднее, во время шестого большевистского съезда, который тогда же происходил на Выборгской стороне, перед началом одного из первых заседаний, часов в шесть вечера, ко мне подошел тов. Шотман и сказал, что надо ехать к Владимир Ильичу и сфотографировать его. Мы тотчас же отправились: он поехал прямо на вокзал в Новую деревню, а я сначала заехал с Выборгской стороны на Лахтинскую улицу за аппаратом, зарядил его и тоже отправился на вокзал. Когда я приехал, билеты были уже у Шотмана, и мы сейчас же поехали по направлению к Сестрорецку. Вышли на какой-то станции, не доезжая Сестрорецка, я даже не знал, что это за станция (Разлив), спустились куда-то вниз, отыскали какой-то дом.

Шотман ушел, а я ждал на улице. Он скоро вернулся в сопровождении молодого человека, который нес весла. Молодой человек и я со своим аппаратом уселись уже в сумерках в лодку, а Шотман остался. Плыли мы, как мне показалось, очень долго, ночь была теплая, но свежая. Местности я совершенно не знал. Тишина, ни живой души.

Наконец, подъехали к какому-то берегу, прошли несколько пешком. Ровная, гладкая местность, покрытая скошенной травой; вдали видны яркие фонари, — это станция Финляндской дороги — Белоостров.

На земле небольшая куча сена. Под ней что-то зашевелилось... Это и был знаменитый „шалаш“, в котором жили довольно продолжительное время товарищи Ленин и Зиновьев...

Сначала они в темноте приняли нас за чужих, но быстро меня узнали. Я вполз в „шалаш“, и мы там тихо беседовали. Я должен сказать: Владимир Ильич был совершенно хладнокровный, абсолютно спокойный, разговорчивый, веселый.

„Вы уж извините, пожалуйста, что у нас нет здесь таких культурных приспособлений, на которых можно было бы сидеть“ — острил Владимир Ильич, когда я залез в шалаш.

Он чрезвычайно живо интересовался всем, что происходило в Питере; тщательно и подробно расспрашивал о положении дел, о съезде. Когда я ему сообщил, что у меня на квартире арестован Луначарский, он покачал головой.

Скоро совсем рассвело, на горизонте только-что показалось солнце. Мы выползли из шалаша, и я принялся за съемку, надо было торопиться. Должен признаться, что обстоятельства были не из благоприятных. Я захватил зеркальную камеру, которая работала только с моментальным затвором; наименьшая скорость — $^1/_{10}$ секунды. Свет был слабый, недостаточный, обстановки никакой, штатива нет; для съемки я ставил Владимира Ильича на колени, так как зеркальная камера устанавливается на руках, без штатива, низко, на уровне груди.

Владимир Ильич, как видно из моих тогдашних снимков, в парике и кепке, бритый, в каком-то невероятном одеянии. Узнать его по этим фотографиям очень трудно, что именно и требовалось для карточки на удостоверение.

Владимир Ильич передал мне большую статью микроскопически, но удивительно разборчивым почерком написанную на папиросной бумаге.

Съемка кончена, я сейчас же поехал в Питер проявлять.

Ехать до Питера было весело и удобно вместе с многочисленными дачниками.

Но в городе — хуже. Уже на вокзале в Новой деревне я заметил шпиков, а у меня в руках был довольно большой аппарат...

Несколько часов пришлось кружить по городу, прежде чем вернуться домой.

Л. Я. ЛЕОНИДОВ

КАК МЫ СНИМАЛИ ЛЕНИНА

По вопросу об отношении Владимира Ильича к съемкам, Н. К. Крупская указывает, что Владимир Ильич не любил сниматься, но, по ее точным словам, „подчинялся горькой необходимости“. Внешне, однако, Владимир Ильич перед съемщиками не выявлял какой-либо досады, нетерпения, неудовольствия и добродушно подчинялся этой „горькой необходимости“ — пишет Г. Болтянский в книге „Ленин и кино“.

Не спорю: быть может, для Владимира Ильича съемка и была „горькою необходимостью“, но замечательно, что за все прошедшие годы Владимир Ильич не давал нам этого почувствовать ни одним словом, ни одним движением.

Я говорю о 1918, 1919 и 1920 гг., о том периоде, когда Владимир Ильич был так обременен и перегружен огромной государственной работой.

Съемка обычно приурочивалась к каким-нибудь большим событиям, как, например, партсъезд или Конгресс Коминтерна, и если вспомнить, что в эти моменты мы успешно для себя — изредка, конечно — отвлекали

внимание Владимира Ильича для фотографирования, то становится ценным и незабываемым чуткое отношение Владимира Ильича к труду „даже“ фото-репортера, чего, увы, и до сих пор нельзя сказать о других вождях и ответственных работниках.

В июле 1919 года в Центропечать, где я заведовал фото-отделом, утром прибыл Владимир Ильич для записи граммофонных речей. Дождавшись окончания записи, я обратился к Владимиру Ильичу с просьбой сняться у рупора. Владимир Ильич охотно согласился.

Через два часа после этого заведывающий Центропечатью Б. Ф. Малкин по дороге в Кремль завез Владимиру Ильичу законченную фотографию с этого снимка. Владимир Ильич был удивлен быстротой выполнения и доволен.

В то же утро Владимир Ильич не отказался сняться в группе сотрудников, записывающих его речи для граммофона, несмотря на то, что каждая минута у Владимира Ильича была рассчитана.

Во время съемки, пока я усаживал группу, произошло характеризующее Владимира Ильича объяснение с прибывшим из Берлина спецом-механиком граммофонных аппаратов. Немец гр. Кибарт пожаловался Владимиру Ильичу, что с ним нарушают договор: он должен был получать свое жалование в иностранной валюте, а ему выдают „руссише папирбонен“ (русскими бумажками).

„Вы сами понимаете, герр Ленин, что я на эти бумажки ничего не могу купить!..“

Владимир Ильич успокоил немца и тут же твердо внушил заведующему отделом:

„Надо уметь выполнить договор с иностранцем. Немедленно урегулируйте этот вопрос в Наркомфине“.

В тот же день немец, конечно, получил полное удовлетворение.

В том же 1919 году в Кремле, в Митрофаньевском зале, происходила новая запись речей Владимира Ильича.

Расставив аппарат и подготовив магний (было темно), я дождался конца записи, во время которой Владимир Ильич пришел в очень доброе настроение, случайно оговорившись в рупор.

Речь шла о революции в Венгрии. Владимир Ильич начинает:

„Товарищи, этой ночью по радио из Венгрии тов. Бела-Кун сообщил мне о происшедшем там перевороте. Тов. Радио-Кун...“ — и тут же сам расхохотался во всю... Воск принял и „Радио-Кун“ и добрый хохоток Владимира Ильича.

Заведующий записью тов. Бронштейн прервал запись и предложил:

„Владимир Ильич, хотите послушать, что Вы сказали?“ — Затем он поставил мембрану. Воск точно передавал голос, смех и „Радио-Куна“.

По-детски расхохотавшись, Владимир Ильич не смог закончить этой речи и лишь сквозь смех произнес:

„Вот я и испортил всю венгерскую революцию! Это удивительно! — Я в первый раз слышу свой собственный голос. Впечатление такое, что говорит нето еврей, нето француз". — И Владимир Ильич продолжал добро посмеиваться. Как известно, Владимир Ильич выговаривал грассируя букву „р".

Я воспользовался хорошим настроением Владимира Ильича и попросил его сняться. Каракулевая шапка у него была надвинута на лоб, пальто накинуто на плечи; усталое, бледное лицо. „Я простужен, — ответил он. — Здесь холодно, я пальто снять не могу. Давайте уже в другой раз".

Я не повторил своей просьбы, не настаивал, но, очевидно, изумительно чуткий Владимир Ильич заметил огорчение, невольно отразившееся на моем лице, и тут же сказал: „Ну хорошо! В пальто хотите? Снимайте, только недолго". — И, надев пальто в рукава, Владимир Ильич поправил шапку. Я наскоро, волнуясь, чтобы не задержать Владимира Ильича, сделал снимок. Проявил. Выражение лица Владимира Ильича получилось немного суровое, совсем не характерное для него, всегда удивленно-добродушного на фотографиях.

Этот снимок впоследствии получил большое распространение.

И до и после этого я снимал Владимира Ильича в различные моменты. В одном из снимков группы делегатов IX съезда РКП — Владимир Ильич улыбается. Хорошее выражение.

ЛЕНИН в группе делегатов IX съезда РКП. Москва, Кремль, апрель 1920 г. *Л. Я. Леонидов*

Затем съемка в Кремле. Март 1920 г. Вечерело. Накрапывал дождь. Звонок из секретариата ЦК партии: „Приезжайте снимать“. Машина. Через шесть минут я был в Кремле, на лестнице здания ВЦИК, перед группой товарищей, вернувшихся с подавления Кронштадтского мятежа. Владимир Ильич стоял среди товарищей, нежно заглядывал в глаза рядом с ним стоящему делегату, раненому в Кронштадте и сплошь перевязанному, и о чем-то с ним беседовал.

Владимир Ильич терпеливо ожидал, покуда кто-то побежал наверх, в зал заседаний, за задержавшимся Л. Д. Троцким и другими товарищами. Снимок был сделан. Пока товарищи интересовались и осведомлялись у меня, как получить снимок, Владимир Ильич, попрощавшись со всеми за руку, быстро удалился к себе.

Вспоминаю еще один момент. В день похорон Я. М. Свердлова, вечером, происходило открытие IX съезда РКП. Все находились в подавленном состоянии. Владимир Ильич и другие товарищи очень устали. Было неловко даже заговаривать о съемке. Однако, профессиональное чувство одержало во мне верх над другими чувствами.

Без всякой надежды на успех, я в перерыве робко попросил у Владимира Ильича разрешения снять президиум, тогда очень полно представленный ленинским ядром (человек 20). Я был поражен мягким тоном Владимира Ильича, с каким он ответил: „Товарищ, сейчас нельзя, в конце заседания можете снять“.

Так я и сделал.

До сих пор я касался тех моментов, когда мне посчастливилось в моей фотографической работе непосредственно соприкоснуться с Владимиром Ильичем и снимать, осведомляя его об этом заранее.

На улице, на Красной и других площадях, во время торжеств и годовщин, мы всегда стремились сделать съемку для Владимира Ильича и других товарищей незаметной. Полнота картины, естественность положений и поз, разумеется, от этого очень выигрывали.

П. С. ЖУКОВ

КАК Я ФОТОГРАФИРОВАЛ ЛЕНИНА

Летом 1920 года Ленинградский военный округ, в котором я служил с момента его образования, командировал меня в Москву для сфотографирования партийных и советских руководителей. Запасшись необходимыми материалами я приехал в Москву со своим помощником тов. Душкиным. Представив доверительные документы в Кремле, я быстро приступил к работе.

Благодаря радушному приему кремлевской администрации нам удалось быстро приспособить для съемок отдельную комнатку близ наркомовской столовой, где к середине дня собирались почти все ответственные работники, жившие или работавшие на территории Кремля. Находясь все время вблизи этой столовой, нам легко было до известной степени изучать лица, знакомиться с ними и тут же приглашать к нам в комнату сфотографироваться. Но общеизвестна та нелюбовь, с которой эти товарищи относятся к съемкам. Неоднократно приходилось прибегать к хитростям, причем в этом нам помогал т. Радек. Так, зная неуловимость т. Бухарина для съемок, т. Радек как-то за обе-

дом представил меня т. Бухарину как профессора. После обеда т. Радек незаметно вместе с т. Бухариным прошел в мою комнатку, и каково было удивление Н. И., когда „профессор“ начал наставлять на него огромный аппарат. Тов. Радек начал уверять, что я действительно профессор — по фотографии и что работаю я по заданию ЛВО, и лишь тогда т. Бухарин согласился позировать.

Таким образом, в течение нашего трехмесячного пребывания в Москве нам удалось заснять до 70-ти человек и сделать до двухсот снимков, из которых лучшие получились с тт. Сталина, Чичерина, Рудзутака, Радека, Калинина, Сокольникова, Троцкого, Луначарского, Бубнова... Главной же задачей нашей было сфотографировать Владимира Ильича, а это было совсем не легко. Владимир Ильич вообще не любил сниматься. Кроме того, в месяцы нашего пребывания в Москве был до того загружен работой, что неоднократно поздно ночью еще горела лампочка у него в кабинете. Единственная надежда была на т. Фотиеву, которая обещала мне при первой возможности получить у Владимира Ильича разрешение на съемку.

И вот в один из жарких июльских дней меня, проработавшего с раннего утра в здании судебных установлений Кремля, неожиданно вызывает т. Фотиева, говоря, что Владимир Ильич сейчас изъявил согласие сняться.

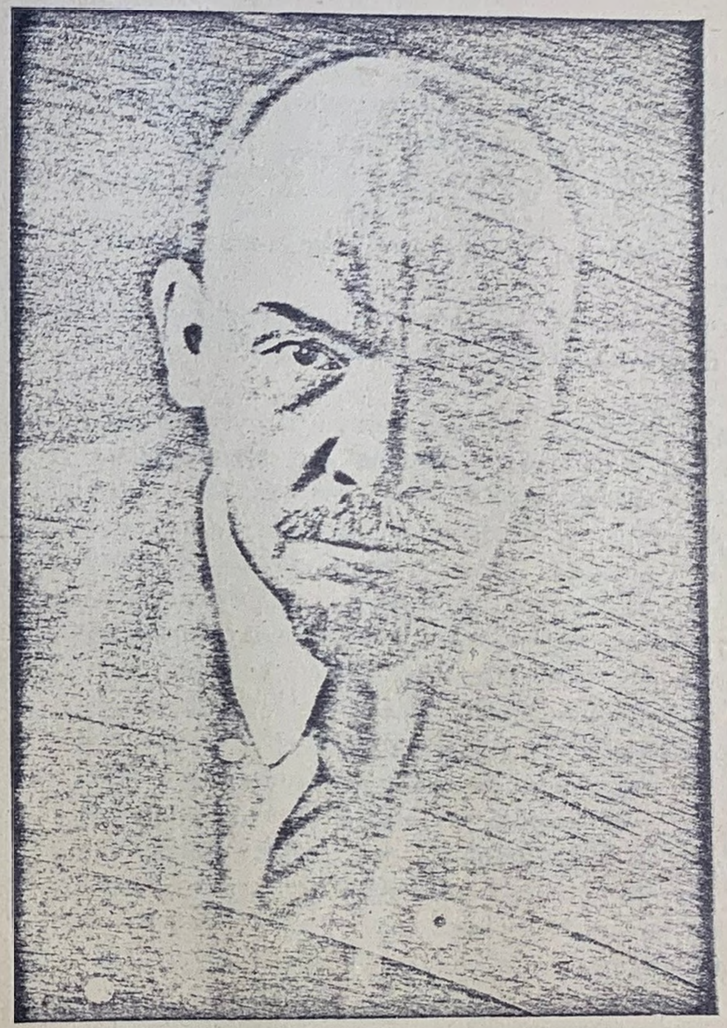
И тут, как на зло, выяснилось, что все пластинки в кассетах уже сняты. Бежать перезаряжать кассеты

к себе в комнату слишком далеко, пройдет с добрых полчаса, и момент может быть пропущен. К счастью, в коробке у меня оказались запасные пластинки. Для того же, чтобы перезарядить пластинки, необходима абсолютно темная комната. К нашему сожалению все близлежащие комнаты оказались слишком светлыми, даже чуланы и кладовка были здесь с верхним светом.

Пробегая по какой-то лестнице, я заметил ящик, куда, как оказалось, зимой складывали дрова. К моей радости ящик оказался пустым. Не задумываясь, я полез с кассетами и пластинками в ящик, предварительно попросив т. Фотиеву набросить на ящик свою черную накидку вместе с моим черным сукном от камеры. Затем, чтобы плотно прикрыть ящик, т. Фотиева вместе с моим помощником сели на крышку. В этой тесноте, при полнейшей темноте пришлось мне перезаряжать пластинки. Переставив четыре пластинки (больше не мог, так как в ящике уже воздуху нехватало), я вылез и вслед за т. Фотиевой прошел в секретариат Владимира Ильича.

Прошло несколько минут, как мы услыхали в соседней комнате быстрые шаги, и к нам живым и бодрым шагом вышел Владимир Ильич. Поздоровавшись, Владимир Ильич спросил, сесть ли ему или стоять. Посадив его ближе к свету, я сумел быстро сделать два снимка — один до колен, а другой — бюст. Перед съемкой я попросил Владимира Ильича не быть таким серьезным, на что он мне ответил:

„Снимайте так, а то все снимают кривым".



П. С. Жуков
Москва, Кремль, июль 1920 г.

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

Хотелось снять Владимира Ильича по просьбе петроградских художников и в профиль, но Владимир Ильич быстро поднялся и ответил:

„В следующий раз, когда будете в Москве".

Через несколько недель, когда я был снова в Москве, я передал т. Фотиевой два оттиска этих снимков.

„Первые снимки, на которых я не кривой", — сказал Владимир Ильич, по словам т. Фотиевой, о моих снимках.

Следует сказать, что действительно снимки эти удались мне превосходно. Взгляд его зафиксирован так удачно, что лучшего и желать нельзя. Я больше тридцати лет работаю фотографом и в силу своей профессии невольно сразу же подмечал характерные выражения снимаемых: особенности общего выражения лица Ленина на редкость точно запечатлены моим объективом. И это несмотря на то, что я волновался, — замечу кстати, что мой помощник, человек очень серьезный и спокойный, при съемке Владимира Ильича так волновался, что, желая мне помочь, никак не мог вставить кассету в камеру, так как у него от волнения тряслись руки. В особенности мне удался снимок головы — резкий, четкий, передающий не только строение черепа, но и фактуру кожи лица, чувствующейся благодаря превосходному портретному объективу (Лякур-Бертио 3,5).

В следующем году, когда в Петрограде происходил очередной Конгресс Коминтерна, на Марсовом поле

мне удалось семь раз заснять зеркалкой Владимира Ильича. На этих снимках он динамичный, быстрый, в окружении иностранных коммунистов. Эти снимки почти все неизданы и в настоящее время вместе с негативами переданы мною в Институт Ленина.

Н. АГАПОВ

КАК Я ЗАСНЯЛ ЛЕНИНА НА МИТИНГЕ 1 МАЯ 1919 ГОДА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

У меня было большое желание, больше — мечта заснять своим фото-аппаратом т. Ленина. Не знаю почему, но тогда были, да и теперь особенно мне дороги „свои“ снимки. Видимо, они дороги и любимы были потому, что в них вложен мною личный труд непосредственно, тогда как купленные карточки сделаны кем-то другим. Кроме того, с каждым таким снимком у меня связан ряд воспоминаний, и не будь этих снимков, конечно, многие пережитые мною моменты стерлись бы навсегда в моей памяти.

Вот и теперь, глядя на снимок, я вспоминаю весну 1919 года. Тяжелое было время. Не говоря о голоде, тяжело было от мысли о судьбе рабоче-крестьянской власти. На южном фронте наши дела, правда, были хороши; Украина была освобождена от белогвардейцев, но зато на других фронтах положение было крайне серьезно; на восточном — наступали Колчак, чехословаки, на северном — финские войска мешали нашей борьбе с англо-русскими белогвардейцами.

Кругом шла мобилизация коммунистов и членов профсоюзов на фронт, организовывались рабочие ударные батальоны.

Вместе с желанием заснять т. Ленина, хотелось услышать, что он скажет о положении на фронтах; после его речей обычно становилось как-то бодрее, веселее на душе, точно что-то живое вселялось в душу.

Рано утром с аппаратом я двинулся с Шаболовки на Красную площадь. Вид Москвы был праздничный: красные флаги на домах весело трепыхали, простенки домов были расписаны живописью; на автомобилях-грузовиках и трамвайных поездах весело щебетала детвора, на груди каждого ребенка алел красный бумажный или тряпочный цветочек.

Я выбрал подходящее местечко на Лобном месте, по соседству с оркестром. Мне никто не препятствовал установить свой маленький аппаратик. Время летело весело: оркестр жарил на совесть всякие марши; когда раздались звуки „Интернационала“, окружающие сняли шапки. По площади двигались разукрашенные автомобили. Вот прошла „танька“: наш одесский трофей — французский танк.

На пиках конницы играли красные флажки, на красных больших пятнах-знаменах — сияли золотые вышивки.

Вдруг толпа затихла... Подъехал т. Ленин. Я заволновался: через несколько минут у меня будет „свой“ негатив с т. Лениным! Наставил аппарат; в камере отразился прекрасный вид. Я постарался овладеть

собой и спокойно произвел съемку. После этого я все свое внимание — и слух и память — устремил на то, что говорил т. Ленин. Дословно я не помню его речи. Содержание ее было таково: борьба за первую в мире рабоче-крестьянскую власть находится в самом разгаре. Мы, вне всякого сомнения, победим; нужно еще одно последнее усилие, чтобы добить врага и начать строить нашу новую лучшую жизнь; еще год, два — и мы почувствуем серьезное облегчение. В словах т. Ленина чувствовалась такая ненависть к врагу и такая вера в победу, в торжество пролетариата, что она зажигала слушателя бурным негодованием и жаждой мести, защиты своих завоеванных кровью прав. Этой ненавистью, сознанием своих прав и верой в торжество рабоче-крестьянского класса мы победили белогвардейщину всех мастей.

ГОЛОС ЛЕНИНА

А. Я. БРОНШТЕЙН

ГОЛОС ЛЕНИНА УВЕКОВЕЧЕН

В Институте Ленина в особом сейфе хранятся как величайшая реликвия металлические матрицы с записанных нами в свое время речей Владимира Ильича. Медные круглые пластинки таят на себе замысловатый узор из каббалистических мелких черточек, и эти-то черточки-иероглифы и есть настоящая „фотография“ подлинного голоса великого вождя.

Должен сознаться, что когда мы производили записи речей Владимира Ильича мы не представляли себе полностью той поистине колоссальной задачи, которую творили...

Мы радовались каждому новому соприкосновению в работе с Владимиром Ильичем, трепетали перед каждой новой темой, им передаваемой в рупор, но меньше всего призадумывались над тем, что мы так преждевременно *увековечиваем* его голос.

Теперь, когда мощный радио с его громкоговорителями разносит чуть ли не по всей вселенной музыку, пение и речи, роль скромного граммофона, этого обывательского аттрибута, как будто отошла на задний

план. Однако, это не совсем так. Достаточно послушать хоть раз из этой незамысловатой пластинки граммофона памятные речи Владимира Ильича, со всеми нюансами, присущими его характерному голосу, и чувство исключительного волнения охватывает слушателя.

Голос Ильича, благодаря граммофону, запечатлен навеки, и его с величайшим трепетом будут слушать из поколений в поколения.

Сам Владимир Ильич как-то интуитивно почувствовал немаловажную роль граммофонной пластинки в деле пропаганды и отнесся к этому вопросу с исключительным вниманием. Это дало возможность нам, работникам „советской пластинки“, выполнить поставленную пред нами задачу.

Пластинки с речами Владимира Ильича, как только стало известным их существование, пошли, что называется, нарасхват. Из отдаленных концов Союза, порою из самых глухих углов его — деревня, Красная армия — вот кто потянулся за получением „голоса Ильича“.

Любопытно, что многие из видных товарищей отнеслись по началу весьма скептически к этому новому виду пропаганды и лишь после того, как Владимир Ильич записался, поспешили записаться тт. Троцкий, Калинин, Зиновьев, Семашко, Каменев, Коллонтай, Луначарский, Подвойский и др.

Участие Владимира Ильича послужило сигналом всем, что роль граммофона, в особенности в пе-

Л. Я. Леонидов

ЛЕНИН у фонографа. Москва, Тверская 38, июль 1919 г.

риод 1918 — 1920 гг., должна быть широко использована.

Между прочим, особенно упорствовал, не желая записаться, ныне покойный Феликс Эдмундович Дзержинский: „Ну какой я оратор, чтобы говорить для масс“ — повторял оправдываясь Ф. Э.

Этого не удалось скрыть пред всем интересовавшимся Владимиром Ильичем, и на вопрос, почему не записан т. Дзержинский, я сам рассказал мотивы, по которым Ф. Э. отказывается.

Выслушав меня, Владимир Ильич через слегка скрываемую улыбку заметил: „А вы его вызовите сейчас же к телефону и скажите, что я его арестую, если он не запишется.“

Это была угроза самому председателю ВЧК.

Я слово в слово повторил по телефону сказанное Владимиром Ильичем. На это Феликс Эдмундович добродушно ответил: „Я, товарищ, не оратор, но если мне угрожает арест, то заеду... Так, прошу, и успокойте тов. Ленина“.

Владимир Ильич всегда интересовался, куда отправляются пластинки, как они дублируются, удается ли их передвигать от одной группы слушателей к другой и требовал по этому поводу точного, с цифрами, доклада.

Попутно в своих беглых, коротких замечаниях Владимир Ильич давал остроумные советы как, например, „центр граммофонной тяжести“ перенести из мещанских квартирок на фронт и т. п.

Во время приезда к нам в Отдел при Центропечати Владимир Ильич, будучи весьма добродушно настроен, интересовался работой каждого сотрудника в отдельности.

Технически самую запись производил немец-иностранец, который, на вопрос Ильича, доволен ли он службой, ответил резким недовольством на то, что получаемое жалованье (совзнаки) не может отправлять жене в Германию и что ему-де было обещано выплачивать жалованье валютой.

На вопрос, кем было обещано, техник указал на меня как ближайшего своего начальника.

Мне тут же пришлось выслушать от Владимира Ильича тихо произнесенную короткую реплику: „Если товарищ иностранец не будет в трехдневный срок удовлетворен, то вы сядете в тюрьму до тех пор, покуда научитесь договоры выполнять...“

В то время было так же сложно раздобыть валюту для указанной цели, как снабдить население по карточкам птичьими сливками, однако, после нечеловеческих усилий валюта была раздобыта, и я научился, таким образом, „договоры выполнять“.

Б. Ф. МАЛКИН

КАК МЫ ЗАПИСЫВАЛИ ГОЛОС ЛЕНИНА

В течение трех лет (1919—1921) нам в Центропечати удалось записать шестнадцать речей Владимира Ильича на граммофонной советской пластинке.

С самого начала восстановления нами единственной в России Апрелевской фабрики (под Москвой) Владимир Ильич проявил очень большой интерес к делу граммофонной пропаганды и всячески помогал нам наладить это сложное, трудное дело, прося немедленно его известить, когда можно будет приступить к записи речей.

У нас сразу же возник ведомственный спор с Наркопродом, считавшим, что граммофонное дело должно служить для товарообмена с деревней, а не для политической пропаганды.

Спор был решен в нашу пользу исключительно благодаря вмешательству Владимира Ильича, который настаивал, чтобы это дело было широко поставлено.

Владимир Ильич много нам рассказывал, как он слышал политические речи в граммофоне в Швейцарии, а также об использовании граммофона во время пред-

выборной кампании в Америке. Владимир Ильич настаивал, чтобы мы подражали в этом отношении заграницe.

Первое время мы записывали Владимира Ильича в Кремле в специально приготовленном помещении — последняя же запись в 1921 году происходила в Центропечати, на Тверской, 38.

Сложность записи заключалась в том, что на каждую речь приходилось ровно три минуты, и Владимир Ильич особенно волновался, когда на предварительных черных записях ему не удавалось „уложиться“ в три минуты.

„Мне не хочется, чтобы пропадала хотя одна секунда, — говорил он нашему специалисту, единственному тогда в России. — Вы вот увидите, я в следующий раз специально подготовлюсь“.

И вскоре Владимир Ильич поразил всех нас той исключительной тщательной и внимательной подготовкой к записям, которую он проявил. Владимир Ильич произвел точные подсчеты, сколько он слов в среднем произносит в минуту, добился нужной постановки голоса и, являясь на все последующие записи со специально составленными речами, удовлетворявшими всем техническим требованиям, очень радовался, когда произнесенная им речь укладывалась ровно в три минуты.

С большим интересом слушал Владимир Ильич первые изготовленные пластинки и все справлялся, похож ли его голос: „В первый раз слышу свой собственный голос“.

Голос Ильича в пластинке был действительно очень похож, и нам удалось сохранить все его оттенки, главным образом благодаря тому, что Владимир Ильич произносил речи с большим подъемом, отчеканивая каждое слово.

Одна из первых речей Владимира Ильича была посвящена памяти Я. М. Свердлова — в ней он яркими словами характеризовал роль покойного в революции.

В первую же запись Владимир Ильич произнес две речи: „Обращение к Красной армии“ и „О Третьем Коммунистическом Интернационале“. Затем следовали речи Владимира Ильича — „О погромной травле евреев“, „Что такое советская власть“, „Сообщение о переговорах по радио с венгерским вождем коммунистов, бывшим военнопленным в России, т. Бэла-Кун“.

Особенно внимательно была составлена речь Владимира Ильича „О крестьянах-середняках“, произнесенная им с большим подъемом.

Наибольший же успех имели речи Владимира Ильича о середняке (1919 г.), о советской власти (1920 г.) и о продналоге (1921 г.). Между прочим, две речи о продналоге Владимир Ильич приготовил еще до написания своей брошюры о продналоге, и эти речи имели колоссальное распространение. С изготовлением речей Владимир Ильич нас всячески торопил: „Нужно во что бы то ни стало скорее оповестить деревню“ — и он был прав. Спрос на наши пластинки рос с каждым днем. Из деревень и из Красной армии усиленно

требовали эти речи, — весть о них широко распространилась среди крестьянства, и специальные крестьянские ходоки приезжали за ними; немеденно заводился в отделе граммофон, и речь Ильича производила потрясающее впечатление на крестьян. „Вот это нам и нужно. У нас в деревне этим речам верят больше, чем всякой газете“, — обычно говорили нам крестьяне-ходоки.

Эти речи Владимира Ильича расходились в десятках тысяч экземплярах, и мы не успевали их изготовлять. Нам пришлось организовать при Центропечати специальный отдел „Советской пластинки“ и впоследствии открыть вторую граммофонную фабрику в Петрограде.

Владимир Ильич имел обыкновение перед каждой записью меня вызывать и внимательно расспрашивать, какие именно темы сейчас популярны, и мы вместе с ними составляли примерный список таких тем.

На X партсъезде Владимир Ильич подошел ко мне и просил подготовить большую запись „о новой экономической политике“. Кроме того, он предложил через два дня сделать ему специальный доклад об аппарате Центропечати и об Отделе советской пластинки. На докладе Владимир Ильич долго расспрашивал, главным образом, о постановке распространения газет и литературы в деревне. „У вас самая мощная связь с страной, имейте в виду, что немедленно после принятия ВЦИКом декрета о продналоге нам придется через Центропечать бросить в деревню все, что мы сумеем издать. Используйте все ваши губернские, уездные и, главным образом, волостные отделения, исполь-

зуйте все ваши агитпункты, железнодорожные киоски и тысячи почтово-телеграфных отделений. О наших новых решениях должны знать миллионы, и масштаб работы нужно во много раз увеличить. Объявите всем вашим работникам, что мы возлагаем на них очень большую ответственность".

Немедленно после заседания ВЦИКа, на котором был принят декрет о продналоге, Владимир Ильич меня вызвал, и мы наметили ряд тем. На эту запись (она оказалась последней) Владимир Ильич приготовил пять речей: две речи о продналоге, о потребительской и промысловой кооперациях, о концессиях и развитии капитализма и последнюю речь „о беспартийных".

Последнюю запись по техническим соображениям пришлось организовать в самой Центропечати — у нас испортился в это время записывающий аппарат, и запись пришлось отложить на несколько дней. Владимир Ильич все время нас торопил.

Приготовив все к записи, я заехал за Ильичем в Кремль. Когда мы спустились вниз, Ильичу была подана его машина. „Зачем же нам на двух машинах ехать, я поеду с Вами" — обратился он ко мне и свою машину отпустил. „Только у меня к вам будет очень большая просьба — как-то смущенно и виновато обратился ко мне Ильич: — Вы уж, пожалуйста, доставьте на вашей машине и обратно в Кремль..."

Мы все улыбнулись.

Дорогой Владимир Ильич все время шутил и говорил, что мы „своим Наркоматом — Центропечатью

Л. Я. Леонидов

ЛЕНИН среди сотрудников Центропечати. Москва, Тверская, 38, июль 1919 г.
Первый справа — Б. Ф. МАЛКИН, первый слева — А. Я. БРОНШТЕЙН.

отхватили пол-Тверской". „В ваших руках все книжное богатство страны и вся печать. В Америке вы бы считались книжным и газетным королем." Ильич, весело смеясь, спрашивал меня: „Верен ли анекдот, который про вас рассказывают, о том, что вы получили в Центропечати книжку стихов поэта Шершеневича „Лошадь— как лошадь" и отправили ее в Наркомзем по лошадиной части".

Во время последней записи Владимир Ильич набросал целый ряд тем о новой экономической политике, наметив ряд товарищей, которые должны были эти речи произнести.

„Обязательно нужно записать всероссийского старосту"—сказал нам Владимир Ильич во время той же записи в 1921 году и тут же позвонил М. И. Калинину, прося его заготовить ряд крестьянских речей.

Благодаря Владимиру Ильичу, который усиленно пропагандировал граммофонную запись среди ответственных товарищей, нам удалось записать речи около 40 работников по важнейшим вопросам партийной и советской жизни. Эти речи раздавались на всех агитпунктах, на крестьянских сходах, в клубах, в Красной армии и имели очень большое значение в нашей массовой агитационной работе.

Преодолевая исключительно большие трудности, вдохновляемые в своей работе Ильичем — мы сохранили кроме того на вечные времена его дорогой для всех нас голос.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

БИБЛИОГРАФИЯ

И. В. Симаков, Мой набросок с Ленина. — Посмертные воспоминания И. В. Симакова печатаются впервые.

И. К. Пархоменко, Мои воспоминания о Ленине. — Впервые воспоминания в сжатом виде были напечатаны в „Рабочей Москве“ 1924 г., № 47; в расширенном виде — в „Вечерней Москве“ 1927 г., от 20 января и в сборнике воспоминаний И. К. Пархоменко „О том, что было“ — изд. „Кооперативное издательство писателей“, М., 1927 г.; приводим текст сборника „О том, что было“. — Зарисовки И. К. Пархоменко „На приеме у Ленине“ и „Ленин слушает“ (обе от ноября 1921 г.) впервые опубликованы в „Красной ниве“ 1924 г., № 6.

И. И. Бродский, Как я рисовал В. И. Ленина. — Воспоминания печатаются впервые. — В журнале „Огонек“ 1926 г., № 18, неправильно датирован 1920 годом и приурочен к Всероссийской партийной конференции рисунок И. И. Бродского, сделанный на III Конгрессе Коминтерна в 1921 году. На Конгрессе был сделан другой рисунок, нами воспроизводимый. — В альбоме „Деятели Коммунистического Интернационала“, выпущенном издательством Коминтерна в 1921 г., воспроизведен, между прочим, один из рисунков И. И. Бродского, выполненных на II Конгрессе Коминтерна, в наш сборник не вошедший.

Г. С. Верейский, Мои зарисовки В. И. Ленина. — Воспоминания печатаются впервые.

С. В. Чехонин, В первые годы революции. — Воспоминания печатаются впервые.

И. А. Гринман, С карандашом в руках. — Воспоминания печатаются впервые.

Н. И. Альтман, Как я лепил Ленина. — Впервые воспоминания напечатаны в журнале „Прожектор“ 1924 г., № 6; переизданы в сборнике воспоминаний „О Ленине“, кн. 1. Предисловие и редакция Н. Л. Мещерякова. Гиз, 1925 г., стр. 158 — 163. — В 1921 г. в издании отдела изобразительных искусств Народного Комиссариата по просвещению был выпущен альбом „Ленин. Рисунки Натана Альтмана“. В альбоме воспроизведены 10 рисунков, из которых девять изображают Ленина в различных позах, а один — вид из окна кабинета т. Ленина на Кремль; кроме того, здесь воспроизведено факсимиле Ленина, сделанное им 4 июня 1920 г. в альбоме Натана Альтмана.

Э. Э. Эссен, В Женеве, в Кларане и в Петербурге. (Когда я рисовал Ленина). — Воспоминания печатаются впервые.

П. Н. Лепешинский, Ленин и большевистские карикатуры 1904 г. — Очерк П. Н. Лепешинского извлекается нами из вышедшего в 1925 г. сборника Истпарта „Как рождалась партия большевиков. Литературная полемика 1903 — 04 г.г.“ где он назван „Несколько слов о большевистских карикатурах 1904 г.“ (стр. 429 — 435); в одной части эти очерки дополнены воспоминаниями П. Н. Лепешинского (о Р. М. Боград-Плехановой) взятыми из его книги „На повороте. С конца 80-х годов до 1905 г.“ (издание второе, „Прибой“, Л. 1925 г., стр. 191 — 210). Между прочим, в журнале „Огонек“ 1927 г., № 44 помещен очерк П. Н. Лепешинского „Карикатура на службе у пионеров большевизма“; здесь впервые воспроизведена карикатура „Мартов и его тень“, восстановленная автором по памяти. — Кстати, в другом очерке П. Н. Лепешинского в том же „Огоньке“ — „Две столовки“, автором по памяти восстановлен рисунок „Ильич за чтением отповеди меньшевикам в женевской столовой“ („Огонек“ 1927 г., № 49). — За границей карикатуры П. Н. Лепешинского были напечатаны в эмигрантском журнале „На чужой стороне“ с сопроводительной заметкой Ф. Дана.

Г. М. Болтянский, Вокруг кино-съемок Ленина. — Воспоминания проявляются целиком впервые. Отдельные отрывки этих

воспоминаний были напечатаны в книге Г. М. Болтянского „Ленин и кино“ (Гиз, 1925 г.); см. также его очерки „Кино-съемки Ленина при жизни“ („Кино-Неделя“ 1925 г., № 4) и „Фото-съемки Ленина“ („Вечерняя Москва“ 1925 г., № 87).

В. Р. Гардин, Ленин в кино-съемки „96“. — Воспоминания печатаются впервые; запись беседы с В. Р. Гардиным об этом эпизоде — см. в книге Г. М. Болтянского „Ленин и кино“.

В. Яковлев, Ленин и кино-съемки. — Воспоминания впервые напечатаны в сборнике „К годовщине смерти В. И. Ленина“. Под общей редакцией А. Ф. Ильина-Женевского (Гиз, 1925 г.. стр. 187 — 189).

Д. И. Лещенко, Съемка Ленина в подполье. — Воспоминания впервые напечатаны в журнале „Огонек“ 1927 г., № 44.

Л. Я. Леонидов, Как мы снимали Ленина. — Воспоминания впервые напечатаны в журнале „Советское фото“ 1926 г., № 1, стр. 9 — 10.

П. С. Жуков, Как я фотографировал Ленина. — Целиком воспоминания публикуются впервые; отрывок — в первом издании сборника „Об Ильиче“ („Прибой“, 1924 г.).

Н. Агапов, Как я заснял Ленина 1-го мая 1919 г. — Воспоминания Н. Агапова, наборщика первой образцовой типографии в Москве, напечатаны впервые в журнале „Печатник“ 1925 г., № 9, стр. 2 — 3.

А. Я. Бронштейн, Голос Ленина увековечен. — Воспоминания печатаются впервые.

Б. Ф. Малкин, Как мы записывали голос Ленина. — Воспоминания впервые напечатаны в журнале „Огонек“ 1924 г., № 9. С дополнениями воспоминания эти переизданы в „Правде“ 1928 г., № 18; здесь же, между прочим, впервые опубликованы три речи Ленина, написанные им для граммофонных пластинок: „Что такое советская власть“, „О трудовой дисциплине“ и „О работе для транспорта“.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рисунки.

Стр.

Натан Альтман. Москва, Кремль, май 1920 г. 75
— Москва, Кремль, май 1920 г. 77
— Москва, Кремль, май 1920 г. 79
— Москва, Кремль, май 1920 г. 81
И. И. Бродский. Петроград, торжественное открытие II Конгресса Коминтерна, 19 июля 1920 г. 49
— Москва, II Конгресс Коминтерна, август 1920 г. 51
— Москва, Всероссийская партийная конференция, 22 сентября 1920 г. 53
— Москва, III Конгресс Коминтерна, июнь 1921 г. 55
Г. С. Верейский. Петроград, торжественное открытие II Конгресса Коминтерна, 19 июля 1920 г. 61
И. А. Гринман. Москва, 1922 г. 71
М. В. Добужинский. Петроград, торжественное открытие II Конгресса Коминтерна, 19 июля 1920 г. 15
Ф. А. Малявин. Москва, Кремль, 1920 г. 5
— Москва, Кремль, 1920 г. 9
— Москва, Кремль, 1920 г. 13
И. К. Пархоменко. Москва, Кремль, ноябрь 1921 г. 43
Л. О. Пастернак. Москва, III Конгресс Коминтерна, июль 1921 г. 17
Н. Петров. Москва, 1918 г. 21
И. В. Симаков. Петроград, июнь 1917 г. 37

Стр.

С. В. Чехонин. Петроград, II Конгресс Коминтерна, июнь 1920 г. 65

Карикатуры.

П. Н. Лепешинский. Женева, 1904 г. „Как мыши кота хоронили“ — I 109
— Женева, 1904 г. „Как мыши кота хоронили“ — II 113
— Женева, 1904 г. „Как мыши кота хоронили“ — III 117
— Женева, 1905 г. — „Мальчик в штанах и мальчик без штанов“ 119
Э. Э. Эссен. Женева, 1903 г. „Чего не делать“ 97

Скульптуры.

Н. Л. Аронсон. Париж, 1926 г. 87
Б. Д. Королев. Москва, 1924 г. 91

Фотографии.

Г. М. Болтянский. Москва, Кремль, октябрь 1918 г. 127
А. К. Булла. Москва, Кремль, август 1920 г. II
П. С. Жуков. Москва, Кремль, июль 1920 г. 165
П. Я. Леонидов. Москва, Тверская, 38, июль 1919 г. 183
— Москва, Тверская, 38, июль 1919 г. 175
— Москва, Кремль, апрель 1920 г. 159
А. А. Левицкий. Москва, Красная площадь, 1919 г. 141
— Москва, Кремль, 26 ноября 1921 г. 27
Н. Смирнов. Москва, у Большого театра, июль 1918 г. . . . 25
М. И. Ульянова. Москва, Горки, 1923 г. 29

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

И. С. Зильберштейн. Предисловие 3

Художники и скульпторы.

И. В. Симаков. Мой набросок с Ленина 35

И. К. Пархоменко. Мои воспоминания о Ленине 38
И. И. Бродский. Как я рисовал Ленина 48
Г. С. Верейский. Мои зарисовки В. И. Ленина 60
С. В. Чехонин. В первые годы революции 64
И. А. Гринман. С карандашом в руках 68
Н. И. Альтман. Как я лепил Ленина 73
Н. Л. Аронсон. Единственная встреча 86
Б. Д. Королев. Мое „столкновение“ с Лениным 90
Э. Э. Эссен. В Женеве, в Кларане и в Петербурге. (Когда я рисовал Ленина.) 93
П. Н. Лепешинский. Ленин и большевистские карикатуры 1904 г. 104

Режиссеры и операторы.

Г. М. Болтянский. Вокруг кино-съемок Ленина 125
В. Р. Гардин. Ленин в кино-съемке 140
В. Яковлев. Ленин и кино-съемки 144

Фотографы.

Д. И. Лещенко. Съемка Ленина в подполье 149
Л. Я. Леонидов. Как мы снимали Ленина 155
П. С. Жуков. Как я фотографировал Ленина 162
П. Агапов. Как я заснял Ленина 1 мая 1919 г. 168

Голос Ленина.

А. Я. Бронштейн. Голос Ленина увековечен 173
Б. Ф. Малкин. Как мы записывали голос Ленина 178

Библиография 187
Список иллюстраций 190

15323